

INSPIRIA

ПОЧТИ ИДЕАЛЬНЫЙ БРАК

ОН ЕЙ ИЗМЕНЯЛ. ОНА ЗАЩИЩАЕТ ЕГО.

ДЖЕНИВА РОУЗ

INSPIRIA

Дженива Роуз
Почти идеальный брак
Серия «Ток. Преступления страсти»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68668718

Почти идеальный брак: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-174130-3

Аннотация

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР США.
ТОП-3 БЕСТСЕЛЛЕРОВ AMAZON.
ВОЗГЛАВЛЯЕТ СПИСОК БЕСТСЕЛЛЕРОВ
BARNES&NOBLES.**

Вы бы защищали своего мужа в суде, если бы его обвиняли в убийстве любовницы?

Сара Морган – лучший адвокат по уголовным делам в округе Колумбия. В свои 33 года она достигла всего, о чем мечтала – карьера, дом, семья... Чего нельзя сказать о ее муже.

Адам Морган – неудачник. Он писатель, так и не получивший признания. Он живет на деньги своей жены, которую уже давно не любит. Недавно у Адама появился секрет. В маленьком уединенном домике на лесном озере у него разгорелся бурный и страстный роман с молоденькой Келли Саммерс.

Но однажды утром все меняется. Адама арестовывают за убийство. Келли найдена с тридцатью семью ножевыми ранениями. В его постели...

С этого момента Сара – единственная, кто может спасти Адама от смертной казни. Ей приходится взяться за свое самое сложное дело в своей практике: защищать в суде собственного мужа – человека, обвиняемого в убийстве своей любовницы.

Но виновен ли он?.. Или нет?

Идеальное чтение для любителей романов «Мертвое озеро» и «Исчезнувшая».

«Это запутанная, не отпускающая вас книга, которую вы будете читать всю ночь! Динамичная история с четким текстом и интригующим сюжетом. Дженива Роуз заслуживает внимания». – Саманта Даунинг

«Этот роман – захватывающий, мастерский дебют о предательстве и справедливости. Блестящий саспенс с дразнящим на каждом шагу сюжетом и захватывающими персонажами. Обязательно к прочтению для любителей триллеров». – Саманта М. Бейли

«Книга, которую нужно читать залпом. Шокирующий финал. Я не могла оторваться; я должна была узнать, что случилось на самом деле. Изобилие поворотов...» – Джей Ти Эллисон

Содержание

Пролог	7
1	8
2	16
3	29
4	35
5	44
6	54
7	62
8	65
9	66
10	76
11	78
12	82
13	86
14	93
15	104
16	109
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Дженива Роуз

Почти идеальный брак

*Маме,
моей самой большой стороннице,
моей самой гордой поклоннице,
моему любимому воспоминанию.*

Jeneva Rose

THE PERFECT MARRIAGE

Copyright © 2020 Jeneva Rose. Published by arrangement
with Rights People, London and The Van Lear Agency

© Мурай О.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Экс-
мо», 2022

Пролог

Любил ли он ее? Ему нравилось, как она смотрела на него. Нравилось, как дрожала ее нижняя губа и напрягались ноги, когда она испытывала оргазм. Ему нравилось, как падали ее длинные каштановые локоны на глаза трепетной лани, когда она двигалась на нем. Нравилось, как ее стройная спина изгибалась полумесяцем, когда он входил в нее. Любил ли он ее? Он любил ее настроения. Но вопрос не в том, любил ли он. Вопрос в том... был ли он ее убийцей?

Сара Морган

– Только не это.

Туман разочарования в голосе Адама заполняет комнату и висит, заслоняя нас друг от друга. Я делаю глубокий вдох и так же быстро выдыхаю, очищая путь между нами. Мне не нужно смотреть, чтобы знать: в его глазах уныние, а губы плотно сжаты. Я его не виню. Я снова разочаровала его. Провожу руками по своим золотистым волосам, укрощая локоны. Они плотно свиты в идеальный пучок и идеально сплетены. Надеваю белый блейзер на изумрудно-зеленую блузку и поправляю юбку-карандаш. Мои глаза встречаются с глазами мужа, возвращая нас на землю.

– Мне жаль.

Я наклоняю голову и смотрю вниз, чтобы привлечь его к себе. Трюк удастся, и он подходит ко мне. Его рост – шесть футов два дюйма¹. Адам возвышается над моей миниатюрной фигурой. Он кладет руку мне на щеку, приподнимает мой подбородок и нежно целует в губы. Каждый волосок на моем теле встает дыбом. После десяти лет брака Адам всё еще целует меня. После десяти лет брака я всё еще разочаровываю его.

¹ 188 см.

– Вчера мы должны были отправиться в дом у озера. Ты сказала, что сможешь сегодня.

Я перестаю его обнимать и начинаю собирать портфель. Чувство ответственности перевешивает эмоции.

– Я знаю, знаю. Но у меня много работы. Огромное заключительное заявление, к которому нужно подготовиться.

Адам прислоняется к дверному косяку нашей главной спальни и складывает руки на груди. Больше всего на свете я хочу, чтобы он меня обнял. Не хочу разбираться в запутанном судебном деле, но есть вещи, которые даже я не могу контролировать.

– У тебя всегда много работы. Всегда есть сложное дело, над которым ты работаешь.

Адам игриво щурится, но взгляд такой, словно он осуждает меня.

– Кто-то должен платить по счетам.

Я слегка улыбаюсь. Это срабатывает. Адам качает головой. Я почти не замечаю этого, но мне нужно признать, что он прав. Кладу руки ему на плечи. Он делает вид, что не будет наклоняться, чтобы поцеловать меня, но я знаю, что он это сделает. Он не может сопротивляться. Как и я. Адам улыбается, но игра в перетягивание каната длится всего несколько секунд. Он склоняется ко мне. Наши губы снова встречаются – на этот раз более страстно. Мы ласкаем друг друга языками, его руки гладят мою спину. В этот момент я хочу отменить все встречи. Думаю о том, что уйду из фирмы и

мы переедем в наш дом у озера, будем идти в нашу мечту только вдвоем, держась за руки... Но реальность возвращается.

– Мне нужно идти, – шепчу я, отстраняясь. Я всегда отстраняюсь первой. Когда-нибудь мы будем всегда вместе, я знаю это. Но не сегодня.

– Завтра наша десятая годовщина.

Адам хмурится. Он по-прежнему обладает мальчишеским обаянием, в которое я влюбилась, и это могло бы раздражать, если б я не была заражена этим чувством.

– Я постараюсь добраться туда завтра.

Отступаю, рассматривая его разочарованное лицо. Он фыркает.

– Можно подумать, что я привык к твоим играм. Может быть, ты привыкла... но я нет. – Адам трет подбородок, как будто обдумывая, что будет дальше. – Я просто очень устал от этого, Сара.

Он опускает голову и качает ею. Я подхожу и прячу лицо у него на груди.

– Мне жаль. Я знаю, что разочаровала тебя. Но после того, как дело будет закончено, я возьму неделю отпуска. Я уже говорила с Кентом. – Смотрю на мужа глазами лани, надеясь, что он будет счастлив услышать это. Адам слегка улыбается.

– Это реальное обещание – или «Обещание Сары»?

Я слегка похлопываю его по груди.

– О, перестань.

Он хватает меня за руки и притягивает к себе для еще одного поцелуя.

— Я остановлюсь, когда ты остановишься.

Адам улыбается. Я снова целую его.

— Чуть не забыла. — Достаяю из шкафа маленькую коробочку. — У меня есть для тебя кое-что.

— Ты не должна была...

Мы договорились, что не будем делать друг другу подарки на годовщину, но я не могла поступить иначе: это мой маленький способ извиниться. Я знаю, что была невнимательна. Адам замирает на мгновение, а затем осторожно разворачивает подарок и открывает коробку, в которой красуются часы «Патек Филипп»² с ремешком из кожи аллигатора и золотым циферблатом. Его рот открывается.

— Я много лет мечтал о таких часах... но *это*... это слишком дорого.

— Это не так. Это наши десять лет брака. Посмотри на гравировку.

Муж переворачивает часы. На обратной стороне выгравировано «5 256 000».

— Что это?

— Именно сколько минут в десяти годах. — Я оставляю легкий поцелуй на его губах.

— Ты считала?

— Я всегда считаю.

² Швейцарская марка часов класса люкс.

Улыбаясь, помогаю ему надеть часы. Адам выгибает запястье, любуясь ими.

— Это для того, чтобы я мог отмечать каждый раз, когда ты опаздываешь или подставляешь меня? — Я закатываю глаза. — Шутка.

— Нет, это не так. — Я знаю, что он не шутит.

Муж опускает руку, смотрит на меня, кладет руки на мои плечи.

— Ты права, но я всё равно люблю тебя, Сара. — Он крепко целует меня.

Мы спускаемся на кухню. Это большое и современное помещение с посудой из нержавеющей стали, шкафами кремового цвета и гранитными столешницами. Я ставлю портфель и роюсь в холодильнике в поисках фруктов и воды. Беру немного нарезанного ананаса и стеклянную бутылку «Сан-Пеллегрино», которую выпью, пока не отправлю свою помощницу за обедом. Адам наливает две чашки кофе и ставит одну рядом с моим черным портфелем от «Боттега»³. Он вынимает использованный кофейный фильтр из кофемашины и идет к мусорному ведру, нажимая ногой на педаль, чтобы открыть крышку. Как раз в тот момент, когда он собирается выбросить мусор, в ведре сверкает что-то серебряное.

— Что это? — спрашивает Адам. Опускает руку в мусорку и вытаскивает разорванный конверт с открыткой внутри.

— Твоя мама прислала нам открытку на годовщину, — от-

³ Один из ведущих модных домов Италии.

вечаю я, не отрываясь от телефона.

– И ты просто... выбросила ее?

– Я прочитала это. Признала. Переварила. Что еще ты хочешь, чтобы я сделала?

Он вытаскивает открытку из разорванного конверта и читает ее вслух:

Я не могу поверить, что вы продержались десять лет! С годовщиной, мои дорогие Адам и Сара.

P.S.: Где мои внуки? С любовью, мама.

– Это очень мило с ее стороны. – Адам начинает рыться в ящиках в поисках магнита, чтобы прикрепить открытку на холодильник. Я закатываю глаза.

– Что ты собираешься делать сегодня? – Беру чашку с кофе и подношу к губам. Напиток обжигает, но это приятные маленькие огоньки, которые нужны иногда для напоминания, что мы живы.

– Ну, теперь, когда у меня на руках нет ничего, кроме времени... – говорит он со смешком, глядя на новые часы. Я вежливо смеюсь в ответ на ужасную шутку. – Наверное, отправлюсь в дом у озера и закончу писать. Дэниелу нужно больше страниц, прежде чем он сможет представить книгу.

Я киваю и делаю еще один глоток.

– Последние страницы, которые ты прислал, были прекрасны. Твоему агенту они понравятся. Не забудь прислать мне новые.

– Ты это серьезно? – Он скептически смотрит на меня.

– Я всегда серьезна, когда говорю... особенно о тебе. – Я подмигиваю. Адам ставит свою чашку кофе и становится позади меня, положив обе руки на столешницу. Утыкается носом и целует меня в шею, прижимаясь бедрами к моим бедрам. Я хихикаю, как школьница.

– Приезжай завтра. Только на один день.

– Я собираюсь приехать, даже если смогу провести с тобой всего несколько часов.

– Сделай больше, чем «просто попробую». Дом у озера у нас уже больше года, а ты провела там не больше ночи.

– Я сказала, что попробую. – Делаю еще один глоток кофе.

– Пожалуйста.

– Сделаю всё, что в моих силах, чтобы быть там завтра. И чтобы мы с тобой наконец могли окрестить этот дом у озера, – я игриво поворачиваюсь к нему. Муж крепко прижимает меня к себе и целует в шею.

– Теперь это план, от которого я не могу отказаться. – Разворачивает меня лицом к себе и водит руками по всему моему телу.

– Спасибо, что был терпелив со мной. – Наши глаза встречаются. Я смотрю на него невероятно застенчиво, чтобы передать всю искренность, которую я хочу выразить своими словами. Наши взгляды встречаются.

– Я бы ждал тебя всю жизнь, а потом еще немного. Или, по крайней мере, еще 5 256 000 минут... А теперь поторопись

на работу, чтобы побыстрее вернуться ко мне.

Он целует меня в лоб, в кончик носа, а затем в губы и игриво похлопывает по плечу, как будто я бегу не на работу, а на футбольный матч.

Я беру портфель и направляюсь к двери.

– Люблю тебя.

– Люблю тебя сильнее.

2

Адам Морган

Пальцы стучат по клавиатуре в тот момент, когда солнце оставляет свой последний луч света на этой стороне земного шара. Ветерок шелестит деревьями, стряхивая осенние листья, в то время как озерная вода мягко выкатывается на берег. Я сохраняю работу, которую сделал за день, и закрываю ноутбук – нужно было написать три тысячи слов. Бросаю очки в черной оправе на стол и провожу руками по пепельно-каштановым волосам, убирая их со лба. Немного потираю виски, чтобы облегчить затянувшуюся головную боль, и глубоко вздыхаю. Когда я вытягиваю вперед руки и шею, мое внимание привлекает черная белка, скачущая по двору. Не то чтобы я раньше не видел черную белку, но это редкое зрелище, которое требует внимания. Смотрю в большое окно. Маленькое существо целеустремленно прыгает с места на место в поисках пищи.

Дом у озера находится в часе езды от нашего дома за пределами округа Колумбия, но с таким же успехом он мог бы находиться на новой планете. Это зеленая земля, которую наши предки действительно полюбили бы, в отличие от бетонного чудовища с рогами, которое выполняет роль столицы нашей нации. Дом находится достаточно далеко от горо-

да, чтобы не было неожиданных посетителей, но достаточно близко, чтобы я мог отправиться сюда, когда нужно побыть одному – или *не* одному, если уж на то пошло.

Уединенный домик на озере Манассас⁴, окруженный лесом в округе Принс-Уильям, штат Вирджиния, был как раз тем, что необходимо для моей писательской карьеры. По крайней мере, именно так я подал эту идею Саре. Я изо всех сил пытался выразить свою мысль любыми словами до тех пор, пока чуть больше года назад мы не купили этот дом. Это открыло для меня другой мир – мир, в котором я мог писать, мир, полный доступных желаний, мир, в котором я мог бы жить, не испытывая постоянного давления из-за того, что я недостаточно хорош. Естественная красота окружающей среды могла быть отражена в моей работе, и в этом мире я чувствовал себя возрожденным. Этот дом полностью построен из древесины лиственных пород. Создается впечатление, что вы забрались на дерево, а не в человеческое жилище. В гостиной зоне есть большие эркерные окна с видом на озеро и массивный камин, украшенный разноцветными камнями. Огромный ковер из медвежьей шкуры завершает интерьер и служит центральной точкой, отделяющей ее от кухни.

Мраморный камень цвета лесной зелени покрывает как кухонный гарнитур, так и столешницы, а сверху и снизу расположены сосновые шкафы, окрашенные в насыщенный, по-

⁴ Озеро Манассас – гигантское водохранилище в штате Вирджиния, США.

что карамельный цвет. Рядом с зоной отдыха, менее чем в десяти футах⁵ от камина, у эркерных окон, стоит мой письменный стол. Это позволяет прекрасно видеть всё, что может предложить природа в этой лесной глуши, и дает свободу не чувствовать себя запертым в каком-то маленьком офисе.

Мне не потребовалось много времени, дабы убедить Сару в том, что мы должны купить этот дом. Думаю, она могла чувствовать, что я отдаляюсь – мысленно, эмоционально... или, может быть, просто хотела показать, что может позволить себе его купить. Еще раз напомнить о финансовой власти надо мной, используя это как демонстрацию силы. Какова бы ни была причина, дом всё еще у меня, так что кого это, черт возьми, волнует? Предполагалось, что это будет *наш* дом вдали от дома в столице, но оказалось, что это просто мой дом. Я сбился со счета, сколько раз Сара обещала поехать со мной на выходные, но позже отменяла свое решение. Этот уик-энд не стал исключением, даже в нашу десятую годовщину. Я надеялся, что она приедет хотя бы на день, но Сара позвонила и сказала, что ей снова нужно в офис. Она также сказала, что любит меня. Она всегда говорит, что любит меня. Я выгибаю запястье, любясь своими новыми часами. Они очень дорогие. Несмотря на стоимость, это все равно был продуманный подарок. Сара заботлива, даже если ее никогда нет рядом.

Мне всегда кажется, что она завоевывает мир, в то время

⁵ 1 фут = 30,4 см.

как я просто изо всех сил пытаюсь в нем жить. Это та женщина, которой она хотела быть: электростанция, шоу с участием одной женщины, где я просто случайно снимаюсь в роли статиста. Так было не всегда. Мы познакомились, когда я учился на третьем курсе Дьюкского университета⁶, а Сара – на первом. Она изучала политологию, в то время как я изучал литературу. Тогда мы оба мечтали стать знаменитыми. Сара хотела быть успешным юристом, а я – войти в историю как один из величайших писателей своего поколения. Пятнадцать лет спустя один из нас все еще ждет своего звездного часа.

Что ж, я полагаю, успех у меня был, но он промелькнул на мгновение и исчез, и до сих пор не вернулся снова. В снах забавно то, что вы всегда в конце концов просыпаетесь. Моя первая книга имела успех не публичный или коммерческий, а литературный. Один критик даже назвал меня «следующим Дэвидом Фостером Уоллесом⁷», что мне понравилось. У книги много почитателей по сей день, и я думал, что повторю этот успех, но вторая и третья книги провалились по всем фронтам, включая литературные. Я удивлен, что мой агент удержал меня, и уверен, что, если книга, над которой я работаю, не увенчается успехом, я достаточно скоро пере-

⁶ Дьюкский университет, он же университет Дьюка – частный университет, расположенный в Северной Каролине, США.

⁷ Дэвид Фостер Уоллес (1962–2008) – мыслитель, эссеист, автор романа «Бесконечная шутка», признанного одним из 100 самых важных произведений на английском языке с 1923 по 2005 г.

стану с ним работать.

У меня был успех, но я не осуществил свои мечты до конца. Мечтой Сары было стать адвокатом по уголовным делам, одной из лучших. Но она не одна из лучших. Она *лучшая*. Я всегда знал, что так и будет. Просто никогда не думал, что буду так сильно обижаться на нее за это.

Но, как я уже сказал, так было не всегда. Когда я говорю это, то имею в виду, что убегаю в наш второй дом при любой возможности, а она практически поселяется в своем офисе. Невозможно стать лучшим адвокатом по уголовным делам на одной любви к своему мужу.

Можно было бы подумать, что, живя в одиночестве и погрязая в жалости к себе, я стал бы одним из великих писателей, как современный Торо⁸ или Хемингуэй. Но на сегодняшний день я пью, как Хемингуэй, и не имею успеха, который сопровождал бы алкоголизм.

У Сары есть своя работа, а у меня – своя. Было время, когда мы принадлежали друг другу, но это время прошло.

Мы встретились на вечеринке. Это была удача, так как Сара очутилась на ней случайно. Она предпочла бы чтение книги, а не пребывание среди липких, одержимых гормонами тел в подвале колледжа, но вот она стоит в углу, небрежно потягивая дешевое пиво из кружки, выглядя более неуместно, чем монахиня в борделе, и слегка улыбается, пытаясь

⁸ Генри Торо (1817–1862) – американский писатель, философ, публицист, натуралист и поэт.

скрыть дискомфорт, однако язык тела выдает ее беспокойство. Прислонилась к стене, закинув одну ногу на другую, кружка фирмы «Соло»⁹ зависла у ее губ. Она оглядывала вечеринку, ее рука была прижата к груди так, чтобы другая не была видна. Сара старалась казаться как можно меньше, чтобы остаться незамеченной. Но для меня она была единственным человеком в этой комнате.

Ее светлые волосы до плеч светились в свете темных ламп – главное украшение на любой вечеринке в колледжах середины 2000-х. В ее зеленых глазах с желтыми крапинками была вся тайна мира. Стройное тело было обтянуто облегачей белой футболкой и расклешенными синими джинсами. Я не мог оторвать глаз от полосы живота. Кусочек ее молочно-белой кожи возбудил меня больше, чем полностью обнаженное тело моей бывшей. Я наблюдал за ней. Я изучал ее. Я запомнил каждый изгиб, каждую линию и каждую веснушку, которые казались святыми. Я представил себе, как она выглядит под одеждой, и позже понял, что то, что я себе напредставлял, было неправильно. Ее тело превосходило пределы моего воображения. Она была совершенна.

Только час спустя, когда ее глаза наконец встретились с моими, я набрался смелости подойти и поговорить с ней. Я был выше нее ростом, но Сара с самого начала чувствовала себя выше меня, и я понял, что она осознавала себя недостижимой. Поначалу она вела себя немного сдержанно, давая

⁹ Датские аксессуары для дома и кухни.

односложные ответы. Я спросил, как ее зовут. Она назвалась Сарой. Я спросил ее, с кем она здесь. Сара указала на нетрезвую брюнетку, которая терлась о парня на танцполе. Я спросил ее, не хочет ли она потанцевать. Она сказала: «Нет». Я сказал, что она прекрасна. Сара пожала плечами. Я сказал ей, что меня зовут Адам. Она сделала глоток пива. Я спросил ее, что она изучает. Сара постучала по своему пиву, давая понять, что ей нужно еще, и направилась прочь. Я схватил ее кружку и вылил в нее свою полную. Она улыбнулась мне, забирая кружку, и вернулась обратно.

– Замечательно, – сказала она, делая глоток.

Я прислонился к стене рядом с ней, и мы некоторое время стояли в тишине, и это казалось вечностью. С самого начала время с Сарой казалось вечностью. Она небрежно потягивала пиво, оглядывая вечеринку и не сводя глаз со своей пьяной подруги. Я притворился, что изучаю комнату, но мое внимание было сосредоточено только на ней. На девятнадцатой минуте подруга Сары сказала, что уходит с парнем, с которым хихикала весь вечер. Ее слова были невнятными, глаза остекленели, а волосы упали на лицо. Она держалась за руку мужчины, ради которого скоро раздвинет ноги. Сара не выглядела довольной, но невозмутимо пожелала хорошо провести время и попросила позвонить утром. Это была самая длинная реплика, которую я слышал от нее за весь вечер.

На двадцатой минуте она допила свое пиво и уронила кружку на грязный пол подвала, пнув ее в угол. Постояла там

еще немного, обводя глазами вечеринку, а затем посмотрела в мою сторону. Она вела себя немного беспокойно, и я не был уверен, хотела ли она подойти ко мне.

На двадцать первой минуте я решил выяснить это и спросил, не хочет ли она уйти отсюда. Сара сказала «да». Благополучно дойдя до ее комнаты в общежитии, я хотел поцеловать ее в щеку и пожелать спокойной ночи. Сара не походила на ту девушку, которая поддается порывам. Когда я подошел, чтобы чмокнуть ее в щеку, она затащила меня внутрь, сорвала с меня одежду и, пыхтя и задыхаясь, говорила «да» до конца ночи.

Три года спустя я попросил ее выйти за меня замуж, и Сара снова сказала «да». И хотя с тех пор она говорила мне «да» бесчисленное количество раз, я думаю, что это был последний раз, когда она действительно имела это в виду. Если б Сара не была поглощена юридической школой, а затем юридической практикой, я думаю, что мы были бы...

Ветерок засасывает входную дверь, которая с грохотом закрывается. Это пугает меня всего на долю секунды, но я знаю, что это *она*. Даже не видя ее, я знаю, что ее веснушки заметны после дня, проведенного во внутреннем дворике кафе. Я знаю, что ее карие глаза светятся и наполнены надеждой и радостью. Я знаю, что ее длинные взъерошенные волосы спрятаны под шляпкой, которую она сама связала этой осенью. Я знаю, что, когда снимет ее, она все равно будет выглядеть невероятно красивой с растрепанными во-

лосами. Я знаю, что она будет без лифчика, в облегающем топе и темной юбке до бедер. Я знаю, что ее рубашка будет смята на талии. Я знаю, что она улыбнется, когда увидит меня, и мне потребуется меньше шестидесяти секунд, чтобы оказаться внутри нее.

– Малыш, я принесла остатки выпечки из кафе.

Слышу, как она стаскивает туфли, гольфы и куртку. достаю два стакана из бара с напитками и наливаю скотч в каждый из них и, как только она входит, протягиваю ей один.

Слегка подпрыгнув, она берет его у меня, выпивает залпом и ставит обратно на стойку бара. Тепло от камина согревает ее кожу, и я замечаю, что пупырышки от холода на ее руках разглаживаются.

Прежде чем я успеваю сделать второй глоток, она расстегивает мои брюки, опускается на колени и смотрит на меня с дьявольской ухмылкой.

* * *

Я опускаю ее ноги на кровать и иду в ванную, закрывая за собой дверь. Я всё еще слышу, как она тяжело дышит с другой стороны двери, пытаюсь восстановить контроль над дыханием. Она ничего не говорит, и я предполагаю, что она всё еще лежит. Я надеюсь, что это от экстаза, а не от боли. Иногда я захожу слишком далеко – как будто теряю сознание, а когда прихожу в себя, понимаю, насколько ошибочен был

мой путь. Я ничего не могу с собой поделать. Келли просто делает это со мной. Когда я с ней, мои животные инстинкты берут верх.

Сара часто так поступала со мной. Но сейчас рядом с ней я понимаю, что я едва ли являюсь мужчиной. У туалетного столика смотрю на себя в зеркало. Пятичасовая тень усталости легла на мое лицо, волосы растрепались, светло-голубые глаза покраснели. Смотрю на свое отражение всего несколько секунд и отвожу взгляд. Я не стыжусь того, кто я есть, но и не горжусь этим. Брызгаю водой на лицо, а затем на грудь, пресс и член. Я слишком устал, чтобы принимать душ.

– Малыш? – кричит Келли из другой комнаты.

– Да, милая? – отвечаю я, начиная чистить зубы.

– Твоя жена написала тебе сообщение.

Я выплевываю зубную пасту в раковину и прополаскиваю рот, вытирая губы рукой. Вернувшись в спальню, вижу, что горит свет, а Келли сидит в постели в ночной рубашке, держа в руках мой телефон. Она улыбается мне.

– Что она написала? – Я надеваю пижамные штаны от «Ральф Лорен».

– Она хочет знать, что ты делаешь.

Я сажусь на кровать рядом с ней, откидывая ее длинные каштановые волосы назад, и нежно целую ее в шею и плечо.

– Скажи ей, что я собираюсь снова трахнуть девушку своей мечты.

Келли смеется и начинает отвечать на эсэмэску.

– Твое желание – закон, – она хихикает.

Я игриво забираю у нее телефон и встаю с кровати. Быстро отвечаю на сообщение.

Поскольку ты не смогла приехать ко мне, я вернусь сегодня вечером, чтобы увидеться с тобой. Не нужно ждать. Люблю тебя.

Прежде чем я успеваю положить телефон, Сара отвечает:

Я тоже тебя люблю. У меня была возможность прочитать новые страницы, которые ты прислал в обед, и они невероятны. Горжусь тобой.

Я улыбаюсь на короткую секунду, прежде чем меня накрывает волна вины, и вздыхаю.

Ты лучшая, детка. Позволь мне пригласить тебя на ужин завтра вечером. Скажи «да».

Мой телефон вибрирует.

Да.

Иногда я вспоминаю, кем мы были раньше, и думаю, что мы снова можем быть той парой. Но я слишком облажался, чтобы это когда-нибудь случилось, а карьера для Сары всегда была на первом месте, и я не предвижу, что это когда-нибудь изменится.

Я думал, что, когда у нас появятся дети, она успокоится, но пять лет назад Сара сказала, что не хочет детей. Я думал, что смогу ее переубедить. Я не смог.

Кладу телефон на комод и подключаю его к зарядному

устройству. Келли смотрит на меня умными глазами. Она никогда не может насытиться мной, а я не могу насытиться ею. Но я знаю, что это не всегда будет так. Было время, когда Сара и я тоже не могли насытиться друг другом. То время давно прошло. Иногда эти чувства всплывают вновь, но они недолговечны и обычно вызваны алкоголем или разлукой. Не поймите меня неправильно. Я люблю Сару. Если б не любил, то давно бросил бы ее. Это та любовь, за которую я держусь, – не деньги, безопасность или дом. Келли дарит мне любовь, на которую Сара больше не способна. Они обе дополняют меня. Это отвратительно, но это правда. Мне нужны они обе.

– Ты когда-нибудь расскажешь о нас своей жене?

– Ты когда-нибудь расскажешь о нас своему мужу? – парирую я. Келли фыркает и складывает руки на груди.

– Это не одно и то же.

Я ухожу, возвращаясь с двумя полными стаканами скотча, протягиваю один ей и сажусь. Обнимаю ее одной рукой и притягиваю ближе, говоря, что знаю. Келли тихо всхлипывает и так же быстро вздыхает, возвращая себе самообладание. Она делает большой глоток и даже не морщится. Наклоняется ко мне. Мы сидим в тишине, потягивая скотч, пойманные в ловушку браков без любви, где занимаем второе место после людей, которых любим. Когда Келли и я вместе, мы на первом месте. Я еще дважды наполняю наши бокалы, а потом мы снова занимаемся сексом. На этот раз я не трахаю

ее – я занимаюсь с ней любовью.

3

Сара Морган

Я тружусь над материалами дела. Бумаги перемещаются и падают, как снег от только что сошедшей лавины. Я планировала зайти в офис всего на несколько часов, чтобы подготовиться к следующей неделе, но сейчас допиваю кофе, приготовленный двенадцать часов назад. На нем плавают масляные круги, напоминающие о его возрасте. Мой угловой офис находится на четырнадцатом этаже, который настолько высок, насколько можно подняться в Вашингтоне, не выставляя фаллос выше, чем у мистера Вашингтона. В нем окна от пола до потолка, он один из самых больших в фирме, и никто не стал бы оспаривать то, почему мне его дали.

На моем счету несколько громких выигранных дел. Среди всех здешних адвокатов я более чем заслужила свое место в качестве партнера в компании «Уильямсон и Морган». Кончиками пальцев потираю лоб, медленно массируя виски, словно пытаюсь вернуть состояние покоя и стабильности. Снимаю очки для чтения и бросаю их на стол, чтобы выразить свое разочарование. Часы на моем телефоне показывают 20:04. Из рта вырывается раздраженный выдох, чтобы дать понять несуществующей аудитории, насколько я обременена делами. Отправляю короткое сообщение Адаму:

Извини, я действительно хотела быть с тобой сегодня. Скучаю по тебе.

Бросаю телефон обратно на стол. Схватив вилку с верхней части пенопластового контейнера, вонзаю ее в китайскую еду, которая пролежала несколько часов. Быстро прожевываю пару кусочков, а затем выкидываю всё оставшееся в мусорное ведро. Мои волосы собраны в пучок на затылке, каждая прядь идеально уложена, хотя я работала последние тринадцать часов. Поправляю свою дорогую блузку и отряхиваю сшитую на заказ юбку. Разбираю документы на столе. Они находятся в полном беспорядке. Это не типично для того, кто живет своей жизнью. Учитывая даты суда и показания, нависающие надо мной, придется немного повозиться. Я смотрю в окна своего офиса, любуясь огнями города, машинами, движущимися в унисон, людьми, гуляющими и наслаждающимися последними часами выходных...

– Энн, ты еще здесь? – кричу я.

Дверь кабинета открывается, и моя милая помощница просовывает голову внутрь. Это миниатюрная женщина с русыми волосами до плеч, и хотя у мужчин не кружится голова при виде нее, она довольно миленькая. Энн выжидающе смотрит и улыбается. Она всегда готова помочь и стремится угодить. Для нее не редкость приступить к работе, как только она видит, что я отправляю электронные письма.

– Да, миссис Морган.

Я опускаю руки на стол и сочувственно улыбаюсь ей.

– Сколько раз я должна тебе повторять? Я работаю до смешного долго, но это не значит, что и тебе тоже так надо. И что это за «миссис Морган»?

– Извините, миссис... – начинает Энн и замолкает, когда я поднимаю руку, встаю и подхожу к ней.

В офисе есть плюшевый ковер, который я выбрала сама, потому что он невероятно мягкий. Я позаботилась о том, чтобы украсить офис так, чтобы в нем чувствовался домашний уют: плюшевым диваном и креслом, журнальным столиком, подушками, книжным шкафом, набитым книгами как для работы, так и для удовольствия, и красивыми произведениями искусства на стенах. Этот офис – мой дом вдали от дома, так как за последние восемь лет я провела здесь больше времени, чем в своем настоящем доме. Я даже купила ковровую дорожку, которая стоит в том углу, где из окна виден памятник Вашингтону.

Подхожу к Энн и кладу руку ей на плечо.

– Ты работаешь со мной уже пять лет. Мы ужинаем вместе каждую пятницу и иногда выпиваем после работы. Ты путешествуешь со мной по делам. Ты бывала в моем доме бесчисленное количество раз. В первую очередь ты – моя подруга, а во вторую – моя сотрудница. Пожалуйста, ради всего святого, никогда больше не называй меня «миссис Морган».

Энн качает головой и улыбается. Затем проскальзывает мимо и плюхается на диван, вздыхая с облегчением.

– Фух... прости. Я выполняю двойную работу для Боба с

тех пор, как уволился его последний помощник. Он требует, чтобы я называла его «мистер Миллер». Это просто вошло в привычку.

Я сажусь рядом и кладу босые ноги на кофейный столик, выдыхаю и распускаю волосы. Энн сбрасывает каблуки и тоже кладет ноги на стол. Мы смотрим друг на друга с солидарностью и пониманием. Мы отличаемся почти во всем, но, в сущности, мы – одно и то же. Две женщины, пытающиеся пробиться в мужской мир. Мы работаем в два раза усерднее, чем наши коллеги-мужчины, чтобы опередить их всего на дюйм¹⁰.

– Это потому, что мистер Миллер – мудака. Я позабочусь о том, чтобы к концу недели у него был новый помощник, и если следующий будет плохо работать, я позабочусь о том, чтобы он тоже не работал здесь. – Я говорю со смехом, но совершенно серьезно. Боб – достойный адвокат, но у него огромное эго и он не уважает никого, кроме тех, у кого больше денег или власти, чем у него.

– Спасибо, Сара. Ты слишком добра ко мне.

– Нет, это *ты* слишком добра ко мне.

– Ты знаешь, кто ни для кого не слишком хорош? – спрашивает Энн.

– Кто?

– Боб.

Мы смеемся, и это приятно. Я всегда погружаюсь с голо-

¹⁰ 1 дюйм = 2,54 см.

вой в материалы дела – и скучаю по простому времяпрепровождению без груза мира на моих плечах или чьей-то жизни и будущего в моих руках.

– Я хотела показать тебе кое-что. – Энн открывает приложение для фотографий и несколько раз проводит пальцем по экрану.

Я беру у нее телефон и смотрю на фотографии – мужчина, переходящий улицу; женщина, поднимающаяся по ступенькам мемориала Линкольну; сокол, низко парящий над озером; ребенок, смотрящий вверх у памятника Вашингтону.

– Они прекрасны, Энн. У тебя потрясающие ракурсы.

– Спасибо. Это мое маленькое хобби.

– Это, должно быть, больше, чем хобби. Ты очень талантлива.

Она краснеет, и ее губы плотно сжимаются. Мой телефон вибрирует. Я встаю и иду к своему столу, быстро отправляя Адаму ответное сообщение. Я скучаю по нему. Я скучаю по нашему общению. Мы обмениваемся еще несколькими сообщениями, и когда я узнаю, что он вернется поздно, всё решено.

– Давай сходим куда-нибудь выпить.

– Уверена? Ты же должна выступить с заключительным заявлением завтра утром.

Я вижу надежду в ее глазах с точки зрения подруги, которая хочет для меня лучшего, и беспокойство с позиции сотрудника, который тоже хочет для меня лучшего.

– Да, я совершенно уверена.

Энн хлопает в ладоши.

– Я вызову нам такси.

Она встает, снова надевает туфли на каблуках и идет к двери моего кабинета пружинящей походкой.

4

Адам Морган

Хлопанье дверцы машины пробуждает меня ото сна. Внутри и снаружи крошечная тьма. Я не имею ни малейшего понятия, как закончилась моя ночь с Келли, но предполагаю, что это был грубый секс, так как мой член чувствует себя так, словно его протащили по плитке тротуара. Бросаю взгляд на часы на прикроватной тумбочке. Большие красные светящиеся цифры показывают 00:15.

– Черт...

Я уже должен был быть дома. С Сарой. Провожу руками по лбу и лицу, пытаюсь вернуться к жизни. Как, черт возьми, мне стало так плохо? Я не могу видеть дальше нескольких дюймов, но чувствую, что Келли рядом со мной. Я всегда чувствую ее рядом с собой. Придвигаюсь ближе, провожу рукой по ее щеке. Она крепко спит. Я шепчу ее имя, пытаюсь расшевелить ее, но скотч действует на нее сильнее, чем на меня.

– Келли, – шепчу я чуть громче, но она не двигается.

Непрерывная вибрация и звук ее телефона отвлекают меня, но, раз она так устала, ей нужно поспать. Я нежно целую ее в щеку и отворачиваюсь на свою сторону кровати без единого звука. На цыпочках подкрадываюсь к ее стороне и

беру ее телефон с тумбочки. Выхожу из комнаты, намереваясь лишь заставить телефон замолчать, чтобы его звуки не беспокоили ее, но сообщения бросаются мне в глаза. Я оглядываюсь на темную комнату, а затем на телефон. Ввожу 4357 – код доступа. Самое последнее сообщение от девушки по имени Джесси.

Мне очень жаль.

Я прокручиваю последнее сообщение Джесси до тех, что были до него. Все они от Скотта, ее мужа. Я читаю их по порядку, начиная с самого раннего, в 22:17.

Я бы хотел, чтобы ты вернулась ко мне домой.

Почему всё должно быть именно так?

Детка... не могла бы ты, пожалуйста, ответить мне?

Я так чертовски сильно тебя люблю. Почему ты не можешь этого понять?

Я ничего такого не имел в виду. Ты должна мне поверить. Этого больше не повторится. Я обещаю.

Пожалуйста, скажи мне, где ты находишься.

Если б ты просто ответила, я оставил бы тебя в покое сегодня вечером.

Пошла ты на... гребаная тупая сучка.

Ты, сука, солгала мне. Ты не на работе. Я только что позвонил в кафе.

Когда я найду тебя, ты будешь умолять меня о вчерашнем испытании, а не о том, что я приготовил для тебя сегодня, ты, никчемная сука.

Мои мышцы сжимаются от гнева, но я все равно продолжаю прокручивать сообщения. Это ее дело, и она никогда не хотела, чтобы я был в этом замешан, но я убил бы этот кусок дерьма в этот момент, если б у меня был шанс.

Слишком поздно. Теперь ты – гребаное воспоминание.

Это последнее текстовое сообщение от Скотта в 23:45. Боже, какой гребаный псих. Я хочу поднять ее с этой кровати, прижать к себе и заверить, что не все мужчины такие дерьмецы, как ее муж. Меня так и подмывает написать ответное сообщение, но злить его – последнее, что нужно Келли. Вместо этого я тихо крадусь назад в спальню, ставлю будильник на ее телефоне на 8:00 и кладу его на тумбочку. Наклоняюсь и целую ее в щеку. Скольжу рукой вверх по ее бедру к влажной щеке. Оно влажнее, чем когда-либо, и сначала я думаю, что Келли немедленно проснется. Но она не шевелится. Убираю руку. Я хочу быть рядом с ней во всех отношениях – физи-

чески, умственно и эмоционально. Вытираю мокрую руку о штаны и тихо выхожу из комнаты.

Я не включаю свет и позволяю своим глазам как можно больше приспособиться к темноте. Угли в камине помогают ориентироваться в гостиной, а коврик из медвежьей шкуры дает знать, когда я нахожусь за пределами гостиной открытой планировки. Тлеющие угли мягко светятся, когда я крадусь по деревянному полу. Пересекаю кухню, опираясь о гранитную столешницу. Тусклый свет бледной луны создает мрачный фон для переднего стеклянного фасада дома. Я нахожу блокнот и ручку и пишу:

Келли, это ты. Это не всегда была ты, но это всегда будешь ты. Ты – слова к истории, которую я пытался написать всю свою жизнь, и сегодня вечером я определил концовку.

Люблю тебя. Люби меня, твой Адам

P.S. Горничная будет здесь в 9 утра. Пожалуйста, постарайся уйти до ее прихода.

Оставляю записку на стойке и иду ко входу, забираю свои вещи и осторожно закрываю дверь. Смотрю на свой телефон, прежде чем сесть в черный «Рейндж Ровер». Сейчас 00:30. Черт, меня так и подмывает остаться с Келли, но я пообещал Саре, что вернусь домой сегодня вечером, и хотя я не вернусь почти до двух часов ночи, по крайней мере, проснусь рядом с ней.

Более часа спустя я подъезжаю к нашему дому, располо-

женному в районе Калоромы в округе Колумбия. Большой кирпичный дом в стиле Тюдоров с шестью спальнями и тремя ванными комнатами слишком велик для нас с Сарой и немного показной для моего социального статуса. Но Сара влюбилась в него в тот момент, когда впервые увидела. Тут обширный огороженный задний двор и потрясающая огромная терраса, которая чуть не заставила ее упасть в обморок от восхищения. Я был уверен, что, когда Сара выбрала такой большой дом, это было потому, что она захотела завести детей. Мы превратили две спальни в кабинеты: один для нее и один для меня. Третья спальня была превращена в библиотеку, четвертая – в тренажерный зал, а пятая – в комнату для гостей. Она не передумала.

Я въезжаю во двор, паркуясь рядом с белым автомобилем Сары, тоже «Рендж Ровером». Прохожу через парадное фойе с мраморным полом, мимо широкой лестницы и попадаю на кухню. Кладу свою сумку на стойку и включаю свет. Беру бутылку воды из холодильника и иду в главную спальню на втором этаже. Свет в нашей спальне выключен, за исключением лампы на стороне Сары. Я толкаю дверь и нахожу ее крепко спящей на животе, полностью расслабленной. На ней тонкая черная майка и черные кружевные стринги, не типичный для нее ночной наряд. Я ожидал увидеть ее в ночной рубашке. Она что, дразнит меня? Хочет ли она меня? Или просто потеряла сознание от слишком большого количества водки с содовой – своего любимого напитка? Ее похожие на шелк

влажные светлые волосы собраны сзади в низкий конский хвост – каждая прядь аккуратно уложена. Даже когда Сара спит, она прекрасно контролирует себя. Мои глаза следуют за изгибом ее спины и гладкостью подтянутых ягодиц, вниз по скульптурным ногам. На протяжении многих лет она, возможно, пренебрегала мной, но никогда не игнорировала свое тело. Сара слегка шевелится, но не просыпается.

Я стаскиваю брюки и рубашку. Мои глаза не отрываются от нее. Она делает меня таким чертовски несчастным, но в то же время таким счастливым... Я, черт возьми, ненавижу ее так же сильно, как и люблю. Она знает? Ей не всё равно? Кто я для нее?

Я слишком сильно опускаю часы на тумбочку, и они издают лязгающий звук, достаточно громкий, чтобы разбудить ее. Ее глаза быстро открываются, а затем расслабляются, когда она понимает, что это всего лишь я. Я ожидаю, что Сара перевернется и снова заснет, но она этого не делает. Ее глаза сужаются, а губы изгибаются в легкой улыбке. Она бросает взгляд на будильник на моей тумбочке. 1:45. Оглядывается на меня, но ничего не говорит. Ее глаза манят меня.

– Я знаю. Прости, что опоздал, – я ныряю в кровать рядом с ней.

– Не надо, – шепчет Сара, похлопывая по месту рядом с собой. Я придвигаюсь ближе, целуя ее в щеку. Она издает воркующий звук.

– Я скучал по тебе.

Сара смотрит на меня снизу вверх, когда я притягиваю ее ближе, крепко обнимая.

– Я тоже скучала по тебе.

Я целую ее в лоб. Она придвигается ближе ко мне, переплетая свои ноги с моими и кладя голову на мою обнаженную грудь. Проводит пальцами вверх и вниз по моему прессу.

– Как прошла работа?

– Долго всё было.

Молчание затягивается, и мне интересно, о чем она думает. Перебирает в уме материалы дела? Думает обо мне? О нас? Может ли она видеть трещины в нашем браке? Хочет ли исправить их или продолжать притворяться, что их не существует? Как будто меня не существует. Как будто *нас* не существует.

– Давай заведем ребенка. – Ее глаза сияют, и она смотрит на меня, ожидая моей реакции. Я ничего не могу поделать. Мое лицо вспыхивает, и я улыбаюсь ей в ответ.

– Ты серьезно? Ты уверена, что действительно готова? После всего, что... ну... произошло. Я думал, ты никогда не захочешь иметь детей. – Я изучаю ее лицо в поисках признаков, которые могли бы выдать слова, слетающие с ее губ. Я всегда надеялся, что она захочет иметь детей, но смирился с тем, что этот день может никогда не наступить, учитывая то, что с ней случилось.

– Да, – Сара кивает, и я думаю, что она говорит серьезно.

Я издаю смех, смешанный с криком, и целую ее. Я не могу сдержать своего волнения. Мои руки обнимают ее, а ее руки обнимают меня. Мои губы двигаются вниз по ее шее. Я стягиваю с нее черную майку и целую каждый квадратный дюйм ее груди и живота. Смотрю на нее снизу вверх, и она улыбается, когда я снимаю с нее трусики. Я целую, лижу и сосу, пока Сара не кончает, а затем вхожу в нее. Она тяжело дышит и стонет подо мной. Ее глаза встречаются с моими, большие и полные надежды.

– Я люблю тебя, Сара.

– Я тоже люблю тебя, Адам.

И затем я взрываюсь внутри нее. Я думаю о том, что собираюсь стать отцом. Одинокая слеза скатывается из моего глаза, когда я падаю на нее сверху, затаив дыхание и полный надежды. Я не могу так поступить с ней. Я должен покончить с Келли. Сара – моя жена, моя семья, мое сердце. Она ничего не делала, просто любила меня – даже когда это было на расстоянии; она любила меня. Я скатываюсь, но остаюсь лежать рядом с ней, нежно поглаживая ее живот. Сара – мать моего будущего ребенка. Она заслуживает большего, и я собираюсь дать это ей.

– Спасибо, – шепчу я.

Она целует меня в лоб и обнимает, крепко прижимая к себе.

– Я хочу этого для нас. Я хочу того же, чего хочешь ты.

А затем закрывает глаза и медленно засыпает, убаюканная

В МОИХ ОБЪЯТИЯХ.

Сара Морган

Адам крепко спит рядом со мной. Я улыбаюсь и провожу рукой вдоль его лица, думая, правильно ли поступаю. Но в том-то и дело, что «правильно» и «неправильно» — лишь мое субъективное мнение. Он заслуживает этого, напоминая я себе, проводя рукой по животу и надеясь, что наши любовные усилия увенчались успехом.

Неделю назад у меня было предчувствие. Вчера вечером, когда я выпивала с Энн, оно укрепилось. Я хочу от этой жизни большего, чем просто стать знаменитостью. Я хочу любви. Хочу семью. Хочу истинного смысла жизни.

Соскальзываю с кровати, накрываюсь белым шелковым халатом и некрепко завязываю его на талии. Бросаю взгляд на мой телефон, обнаруживаю непрочитанное сообщение от Энн.

Ты нормально добралась домой?

Я быстро отвечаю на сообщение:

Да. До скорой встречи.

Энн печатает:

Извини за вчерашний вечер.

Вспоминаю момент, когда я странно почувствовала себя

рядом с Энн, но быстро отмахиваюсь от этого воспоминания.

Всё в порядке. Все мы делаем глупости, когда пьяны.

Пару часов спустя Энн встречается меня в офисе с чашкой кофе и улыбкой. Она веселая и энергичная, несмотря на то, что слишком много выпила прошлым вечером.

– Удачного понедельника!

– Да, действительно, сегодня понедельник... Боб у себя?

– К сожалению, да.

– Надо решить ситуацию с малышом Бобом.

Я беру кофе. Энн, кивая, забирает у меня сумку, и я быстро направляюсь к Бобу. Он сидит через два кабинета. У него хорошая обитель, но далеко не такая хорошая, как моя. Боб начал работать здесь примерно в то же время, что и я. Но, в отличие от него, я стала партнером фирмы. У него зуб на меня по этому поводу. Думаю, что именно поэтому он пытался увести у меня помощницу. Когда мы начинали здесь работать, Боб даже не рассматривал меня как конкурента. Теперь рассматривает.

Я вхожу без стука. Боб сидит за столом и беззаботно ест сэндвич с яйцом. Внешность у него стандартная, но выглядит он немного мрачновато из-за темных глаз и волос, высокого роста и острого подбородка.

– Доброе утро, Боб.

Он кивает, выпрямляется и откладывает свой бутерброд:

– Чем обязан, Сара? – В его глазах мелькает недобрый огонек.

– Послушай, Боб, перестань просить Энн выполнять твои поручения, делать для тебя ксерокопии или приносить тебе еду в любое время дня. Энн – *моя* помощница, и только потому, что ты меняешь своих помощников как перчатки, не означает, что ты можешь пытаться забрать мою помощницу. Понял? – Я прищуриваю глаза и сжимаю губы.

– За Энн платит фирма. Это честная игра. – Боб откусывает еще один кусочек от своего сэндвича, жует и улыбается, довольный собой.

– Ошибаешься. Только часть ее зарплаты оплачивается фирмой, другая часть оплачивается мной.

– Ха, это смешно. Зачем тебе это делать?

– Потому что я отношусь к людям по-человечески.

– Что за груз... – Он качает головой и продолжает жевать.

– Боб, послушай. Скоро состоится встреча партнеров. Если твой маленький мозг не прекратит эти игры, я буду рекомендовать, чтобы тебя уволили. Нам здесь не нужен мертвый груз. – Я стою, возвышаясь над ним.

– Это ты лежишь мертвым грузом, – он прищуривает глаза.

– Хорошая мысль, Боб. Послушай, я не в настроении выслушивать твою чушь о власти, так что просто не связывайся со мной и делай, как тебе говорят. Понял?

Боб косо смотрит на меня, но не говорит ни слова. Бросает остатки своего сэндвича в мусорное ведро и ударяет кулаком по столу. Как во сне, я выхожу из его кабинета и возвраща-

юсь в свой. Энн отвечает на телефонные звонки. Я подмигиваю ей и киваю, она улыбается в ответ. В вазе на кофейном столике стоит огромный букет красных роз. Наклонившись, я глубоко вдыхаю аромат. Не могу удержаться от улыбки и смотрю на прикрепленную к ним карточку.

Сара, ты всегда была такой. С любовью, Адам.

– Они прекрасны, – Энн стоит в дверях, любуясь цветами. Я кладу карточку и поворачиваюсь к ней.

– Спасибо. Они от Адама.

– Ну, я очень надеялась, что они от твоего мужа. Кто еще мог бы подарить тебе цветы? По какому случаю?

– Мы просто пытаемся завести ребенка, – я застенчиво улыбаюсь.

– Что?! О Боже мой! – практически кричит Энн, вбегая в офис и обнимая меня.

– Ребенок... ты не имеешь в виду безделушку? – говорит еще один голос.

Я сразу же узнаю его. Мэтью стоит в дверях, одетый в вязанный свитер «Джей Крю»¹¹ и хлопчатобумажные брюки. Он похож на худого Брэда Питта. У него светлые волосы, растрепанные таким образом, что этого можно добиться только с помощью стрижки за двести долларов; тусклые голубые глаза притягивают вас медленно, а не поражают сразу, так что вы можете насладиться гипнозом, который они создают.

¹¹ Фирма мультибрендовой одежды.

Мэтью скользит через комнату с грацией модели с подиума. Он превращает любую комнату, в которой находится, в сцену. Вот почему ему платят королевский выкуп как лоббисту¹² фармацевтической компании, которая время от времени меняется в зависимости от того, кто платит больше. Мы с Мэтью дружим еще со времен учебы в юридической школе в Йеле, но прошло больше года с тех пор, как я видела его в последний раз.

– Боже мой!

Не теряя ни секунды, мы заключаем друг друга в объятия.

– Что ты здесь делаешь?

– Только вчера приехал, – говорит Мэтью, отступая, но всё еще держа мои руки. – Дай мне посмотреть на тебя.

Я слегка поворачиваюсь к нему.

– Всё еще убийственно прекрасна.

Я смотрю на Энн, которая стоит в нескольких футах от нас, держась одной рукой за локоть, как будто она совершенно неуместна.

– Ты помнишь моего секретаря?

– Конечно, – Мэтью подходит к Энн и протягивает руку. – Анна, верно?

Она кивает и пожимает ему руку.

– Нет, Мэтью, это Энн, а не Анна, – поправляю я. Энн нужно научиться защищать себя.

¹² Лоббист – человек, профессионально защищающий интересы тех, кто его нанял.

– Извини, Энн. Рад снова тебя видеть. – Мэтью вальсирующим шагом входит и садится в мое кресло. – Я вижу, у тебя все еще самый большой офис в здании, – он с восхищением оглядывается вокруг.

– А ты ожидал бы чего-то меньшего? – Я поднимаю брови.

– Ни за что. Не от Сары Морган. Но ты планируешь выбросить всё это ради безделушки. Позор... – Он в смятении качает головой.

– Безделушка? – спрашивает Энн, делая еще пару шагов к Мэтью и доходит до моего стола, прежде чем остановиться.

– Ты не знаешь. Даже не заводи его, – говорю я со смехом.

Мэтью закидывает ногу на ногу и наклоняется вперед.

– У меня просто есть теория, что животные и дети – это безделушки нашей жизни. Приятно смотреть и интересно собирать, но они не служат никакой реальной цели.

– Это ужасно, – с отвращением говорит Энн.

– Но так ли это? Зачем добавлять бремя, которое замедляет вас? Во всяком случае, я, как альтруист, забочусь об интересах Сары.

– Я же сказала: ты не хотела знать. Я люблю все, что касается Мэтью, кроме этого. – Я сажусь на свой стол рядом с другом и со смехом хлопаю его по колену. – Это его единственный недостаток.

– И что я гей, – добавляет Мэтью со смешком.

– Это не недостаток.

– Это для тебя, – он подмигивает и щекочет мой бок.

– Ну, я думаю, это здорово, что вы с Адамом пытаетесь завести ребенка, – Энн улыбается.

– Так ли это? Я что, сошла с ума? – смотрю на Энн и Мэтью.

– Да, – говорит Мэтью.

– Ни за что! Почему ты так говоришь? – спрашивает Энн.

– Не знаю... Я никогда раньше не хотела детей. Мое детство было далеко не идеальным. – Мэтью кивает в ответ на мои слова. – Но эта мысль просто поразила меня, когда я сидела в кафе на прошлой неделе. Я увидела, как женщина катает своего ребенка в коляске, и тут меня охватила ревность, как будто я нуждаюсь в собственном ребенке. А теперь, я думаю, может быть уже слишком поздно.

– Никогда не бывает слишком поздно. Существуют программы по рождаемости и усыновлению, – Энн ободряюще улыбается.

– Будем надеяться, что уже слишком поздно, – огрызается Мэтью.

Я прищуриваюсь, глядя на него, приказывая ему остановиться, в то время как Энн бросает на него строгий взгляд.

– Мне тридцать три года. Есть ли у меня вообще силы быть мамой?

– Ты что, издеваешься надо мной? Ты как чертов кролик-энерджайзер, Сара. Ты продолжаешь идти вперед. Приходишь сюда до семи утра и уходишь после шести вечера почти каждый день, а иногда позже. У этого счастливчика не

хватит энергии, чтобы угнаться за тобой.

– Это единственное, в чем я могу согласиться с Энн. У тебя действительно сумасшедшее количество энергии.

Я улыбаюсь им обоим. Я так много сделала в своей карьере и достигла того, чего большинство людей никогда не добьются. Я защищала нечестных политиков, убийц и лиц, занимающихся отмыыванием денег. Я руковожу командами корпоративных юридических фирм и помогала создавать эту компанию с нуля. Но по какой-то причине, несмотря на всё, чего я достигла, единственное, что меня пугает, – быть матерью. То, что должно быть естественным.

– Спасибо, Энн, – говорю я искренне. – И никакого спасибо тебе, Мэтью.

Тот драматически хватается за грудь, притворяясь убитым горем.

– Что Адам думает обо всем этом? – интересуется Энн.

– Я никогда не видела его таким счастливым.

– Почему я не удивлен? – Мэтью закатывает глаза.

– Что это значит?

– Его карьера пошла на спад. Ребенок заставит его почувствовать, как будто его жизнь снова обрела смысл. Единственная причина, по которой человеческая раса не вымерла, – это то, что люди без цели размножаются.

У Энн отвисает челюсть, но я привыкла к нестандартным мнениям Мэтью. Он говорит такие вещи только для того, чтобы вывести людей из себя. Я научилась никогда не давать

ему такого повода.

– Что привело тебя в округ Колумбия? – спрашиваю я, игнорируя его предыдущее заявление.

– Шестимесячный контракт. Ты будешь часто меня видеть. – Он подмигивает.

– Разве нам не повезло? – саркастически говорит Энн. Она привыкнет к нему.

– Конечно, дорогуша.

Мэтью подходит к книжной полке и начинает извлекать случайные тома. Энн выходит из моего кабинета, закрывая за собой дверь: она хочет убедиться, что всё будет готово для суда сегодня утром. Это громкое дело поглощало мое время весь прошлый год, и я надеюсь, что, как только оно закончится, смогу сосредоточиться на Адаме.

– Наконец-то, – говорит Мэтью.

– Остановись. – Я беру какие-то бумаги со своего стола и перекладываю их.

– Я просто шучу и издеваюсь над ней.

– Знаю. Я точно знаю, какой ты, – я улыбаюсь.

– Я всегда проверяю людей. Если они не смогут справиться со мной в моем худшем состоянии, они не заслуживают меня в моем лучшем виде, – говорит он, поднимая подбородок.

– Но с тобой нет ничего лучшего, Мэтью.

– Это секрет, который они узнают, когда становится слишком поздно, – он смеется. – Теперь, когда я в городе, у тебя

найдется для меня время?

– Тебе даже не нужно спрашивать.

6

Адам Морган

Когда я открываю глаза, Сары уже нет. Впервые за долгое время я просыпаюсь с чувством, что всё будет хорошо. Сара наконец-то хочет того же, чего и я: семью. Мы на одной странице нашего романа. Всё это время я опережал ее на несколько глав, и теперь она меня догнала. Я надеюсь, что она отойдет от фирмы и сосредоточится на создании семьи. У меня такое чувство, что то, что мы сделали прошлой ночью, сработало, и через девять месяцев мы будем приветствовать малыша Моргана в этом мире. Это то, кем я должен быть, — отцом.

Соскальзываю с кровати и надеваю трусы, скомканные и брошенные рядом с тумбочкой. Чищу зубы, поправляю изголовье кровати и выплескиваю на лицо пару пригоршней воды. Сегодня будет хороший день. Сейчас 11:30, и я проспал немного дольше, чем намеревался. Но это не имеет значения, потому что сегодня первый день моей новой жизни.

Когда я спускаюсь по лестнице, меня молнией ударяет мысль. *Келли*. Черт, я не должен был писать эту записку! Я должен был покончить с этими отношениями прошлой ночью. Бегу обратно наверх, чтобы забрать свой мобильный телефон. Как только я хватаю его, звонят в дверь. Быстро на-

деваю брюки и футболку, засовывая телефон в карман. Снова раздается звонок.

– Господи Иисусе... Иду!

Раздается несколько громких ударов.

– Бегу!

Спускаюсь по лестнице и направляюсь к входной двери. Распахиваю ее – и вижу двух мужчин в коричневой униформе, в комплекте с поясами и широкополыми шляпами. Выражения их лиц суровые и разочарованные... или это отвращение и недовольство? Не могу понять. Я протираю глаза. Тот, что слева – высокий белый мужчина с твердой челюстью и пронзительными зелеными глазами, – говорит первым.

– Я шериф Райан Стивенс. Вы Адам Морган?

Я киваю. Следующим говорит тот, что справа: еще более высокий чернокожий мужчина с широкими плечами и лицом, которое выглядит высеченным из камня.

– Я помощник шерифа Маркус Хадсон. Нам нужно задать несколько вопросов о вашем местонахождении вчера вечером.

– В чем дело? – Я хватаюсь за входную дверь одной рукой и обмениваюсь взглядами с шерифом и его заместителем. На улице припаркованы две патрульные машины.

– Нам просто нужно, чтобы вы ответили на несколько вопросов. – Шериф повторяет это чуть более сурово и нетерпеливо. Я делаю шаг назад, все еще держась за дверь.

– Что происходит? – Я в замешательстве, но стараюсь

оставаться хладнокровным, спокойным и собранным. Легче сказать, чем сделать. Я понятия не имею, почему сотрудники правоохранительных органов внезапно появляются у моей двери.

– Может быть, будет проще, если мы поговорим с вами в участке? – предлагает шериф.

– Как это «будет проще»? Что, черт возьми, происходит? Сара в порядке? С ней что-то случилось? – Моя первая мысль всегда о Саре. Она – известный юрист с огромным количеством врагов. Ей угрожали смертью. Ее домогались. А однажды она даже подверглась физическому насилию. Я знаю, что Сара работает над большим делом, хотя не уверен в деталях. Потому что я никогда по-настоящему не спрашивал ее об этом. Я должен был это сделать.

– Мистер Морган, постарайтесь сохранять спокойствие.

– К черту. Я звоню жене.

Вытаскиваю телефон из кармана и пытаюсь закрыть дверь. Шериф Стивенс придерживает ее ногой, и они с Хадсоном протискиваются внутрь.

– Убирайтесь к дьяволу из моего дома!

Полицейские бросаются вперед, хватают меня и заводят обе мои руки за спину. Мобильный телефон падает на пол как раз перед тем, как я завершаю звонок. Я борюсь. Я знаю: всякий раз, когда вы видите, как люди борются с полицейскими, вы всегда думаете, что они идиоты. Не сопротивляйтесь полиции. Вы никогда не выиграете эту битву. Но когда

вы оказываетесь в такой ситуации: когда понятия не имеете, что происходит, в порядке ли те, кого вы любите, или почему это происходит... Вы деретесь как черт. Я бросаю шерифа Стивенса на землю и освобождаю руку. Шериф бормочет что-то вроде: «Вот придурок», – и встает на ноги, накидываясь на меня. Его помощник всё еще держит мою вторую руку.

– Ладно, с меня хватит этого дерьма, – Хадсон ударяет коленом мне в лицо. Я падаю на землю. Из моего носа брызжет кровь. Хадсон врезает мне коленом в спину, в то время как шериф надевает на меня наручники.

– Ты просто должен был это сделать, не так ли? – говорит шериф Стивенс со смешком и выражением разочарования на лице.

– Я не против того, чтобы немного испачкать руки, – говорит Хадсон с усмешкой; я предполагаю это, так как не вижу его лица. Они ставят меня на колени. – Готов сейчас поехать в участок, ты, кусок дерьма?

Я плюю кровью ему под ноги:

– Пошел ты... Ты пожалеешь об этом.

– Сомневаюсь. Теперь у вас есть право хранить молчание...

...Два часа спустя я оказываюсь в маленькой комнате для допросов с чашкой несвежего кофе. Слева от меня на стене висит большое одностороннее зеркало. Я опускаю голову на руки и с нетерпением постукиваю ногой по полу, мое терпе-

ние иссякает.

– Я хочу позвонить, – кричу я в пустоту. – Я хочу свой гребаный телефонный звонок!

Дверь открывается, и входят шериф Стивенс и помощник шерифа Хадсон с пластиковыми стаканчиками кофе в руках. Шериф ставит передо мной бутылку воды.

– Хочешь пить?

Я беру воду, выпиваю ее залпом и сжимаю пустую бутылку, затем бросаю ее в мусорное ведро у двери. Полицейские не торопятся устраиваться напротив меня. Они переглядываются, небрежно потягивая кофе. Пытаются выглядеть спокойными, но их сжатые челюсти и напряженные глаза выдают тот факт, что они в бешенстве.

– Я имею право на звонок.

Я все еще понятия не имею, почему нахожусь здесь. Эти придурки избili меня и бросили на заднее сиденье патрульной машины. Меня ни в чем не обвиняли, но я сижу в этой комнате уже больше часа. Я не знаю, в порядке ли Сара. Я не знаю, как я во всем этом замешан.

– Мистер Морган, могу я называть вас Адамом? – спрашивает шериф, как будто мы обращаемся друг к другу по имени. Как будто он пытается быть обходительным со мной. Гребаные куски дерьма. Я устал от этого. Я просто хочу знать, что, черт возьми, происходит. Я киваю без всякого энтузиазма. – Хорошо. Вы можете звать меня Райан, а этого парня, – он похлопывает Хадсона по спине, – Маркусом. Мы здесь,

чтобы задать вам несколько вопросов, и, надеюсь, теперь вы решите сотрудничать со следствием. Вы понимаете?

Я делаю глубокий вдох и тру лоб руками, пытаюсь унять начинающуюся головную боль.

– Да.

– Превосходно. А теперь не могли бы вы рассказать нам, где были прошлой ночью?

– Я был в своем доме у озера Манассас примерно до полуночи. Потом поехал домой.

Они кивают. Помощник шерифа Хадсон достает блокнот и ручку из кармана рубашки и начинает делать пометки:

– Вы были один?

– Нет.

– С кем вы были?

– Какое это имеет значение? Мне нужен мой адвокат. Прямо сейчас. Я больше ничего не скажу, пока не узнаю, что происходит и какого черта я здесь.

Я встаю, отшвыривая стул и сотрясая стол. Кофе разливается, и в комнату немедленно врываются двое полицейских, удерживая меня. Помощник шерифа вскакивает, откидывая свой стул назад. Он бросается на меня, хватая за шею. Его глаза выпучиваются, а губы сжимаются, когда он оказывается в двух дюймах от моего лица:

– Слушай сюда, ты, маленький засранец! Келли Саммерс была зарезана в твоей постели. Возможно, ты хочешь начать рассказывать нам, что произошло на самом деле, пото-

му что, учитывая количество улик, собранных против тебя, твои дни, черт возьми, сочтены.

Он прижимает меня к стене. Шериф Стивенс отстраняет его, говоря, чтобы он остыл.

– Я не собираюсь успокаиваться. Келли была хорошей девочкой. Она была членом семьи, а этот кусок дерьма в белом воротничке приезжает в наш город и убивает ее. К черту этого парня, – выплевывает Хадсон. Капли пота скапливаются у линии роста его волос.

– Что? Келли? Она была в порядке, когда я уходил, – бормочу я, задыхаясь от собственных слов. – Как? Как это произошло?

Ноги подкашиваются. Комната вращается и вращается. Полицейские позволяют мне упасть на землю и делают шаг назад.

Кто мог причинить вред Келли? Сообщения от ее мужа... Я вспоминаю их – каждое более угрожающее, чем предыдущее. Это должен был быть он.

– Ее муж. Должно быть, это был ее муж. Проверьте ее телефон. Проверьте ее сообщения, – умоляю я, пытаюсь собрать все кусочки воедино и разобраться в этом.

– Не смей, сука, говорить о ее муже!

Хадсон тычет пальцем прямо мне в лицо. Шериф отталкивает его и поворачивается ко мне.

– Мы рассматриваем все варианты, но, как красноречиво сказал Маркус, это не очень хорошо для вас.

– Я никогда не причинил бы вреда Келли. Я... я... я не мог. Я любил ее. – Я опускаю голову на руки.

– Это здорово, – говорит шериф Стивенс с оттенком сарказма. – Почему бы вам не последовать за одним из этих ребят и не позвонить своей жене?

Сара Морган

Я встаю и делаю быстрый, легкий вдох. Оглядываюсь на Мэтью и Энн; они сидят в первом ряду и ободряюще улыбаются. Слегка киваю им, поправляю лацканы пиджака и иду к скамье присяжных. Прежде чем начать, смотрю в глаза каждому присяжному заседателю.

– Сенатор Маккаллан проработал на государственной службе более двадцати пяти лет. За двадцать пять лет ни разу, – я поднимаю палец, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, – его характер или профессионализм не подвергались сомнению. Мы вызвали ряд свидетелей, доказывая именно это. Ни разу он не получал взятки. Ни разу не пренебрег другим человеком, не использовал свою власть в своих интересах и не отступил от своих принципов. – Я кладу руку на плечо моего подзащитного. – Он – один из редких ярких маяков в болоте лжи, коррупции и тайных сделок. Именно это образцовое служение привело его к ситуации, в которой он находится, потому что он виновен в одном... в том, что не отступил.

Я бросаю быстрый ободряющий взгляд на своего подзащитного и возвращаюсь к скамье присяжных.

– Сенатор Маккаллан возглавляет подкомитет возобнов-

ляемых источников энергии. Его усилия высоко оцениваются как экспертами, так и американским народом, но не представителями большой нефти, как вы уже догадались. – Указываю на двух мужчин, одетых в красивые сшитые на заказ костюмы, дополненные яркими, но одинаково дорогими, украшенными драгоценными камнями галстуками боло¹³. Прохожу через вращающуюся дверь между столами обвинения и обвиняемого и встаю в проходе рядом с ними. – Это был единственный человек, которого они боялись. Единственный человек, которого, как они знали, они не могли спрятать под ковер быстрой выплатой. Единственный человек, на которого они не смогли бы нарыть компромат и шантажом заставить замолчать. – Я возвращаюсь к присяжным, останавливаюсь у стола обвинения. – Итак, что они сделали? Они создали свои собственные комитеты.

Деликатно указываю на главного свидетеля. Женщина, с которой всё это началось. С этой частью мне нужно быть осторожной.

– Мы не должны злиться на эту женщину за ее ложные обвинения. Мы не должны злиться на нее за то, что она пытается втоптать сенатора Маккаллана в грязь, – я бросаю на нее сочувственный взгляд, пытаюсь передать, что действительно имею в виду именно это, – потому что она всего лишь пешка в игре, а не кукловод. Мы доказали ее связи с высокопоставленными сотрудниками в «Петронекст», мы нашли «секрет-

¹³ Галстук боло – ковбойский галстук-шнурок.

ные» банковские переводы на ее «совершенно новый» банковский счет. Дамы и господа присяжные, если это не старая добрая игра со взяткой за клевету, тогда я не знаю, что это такое. Мы сочувствуем ей, действительно сочувствуем. Но вы также должны увидеть всё как есть. Подделка. Чистая выдумка. Ложные обвинения, сфабрикованные в отчаянии, чтобы свергнуть единственного человека, которого они не знали, как подкупить и скрутить так, как им хотелось. Мой клиент виновен во многих вещах, сражаясь за американский народ, оставаясь верным своему слову, будучи человеком благородного характера. Но изнасиловать молодую женщину? В этом он однозначно невиновен, и я настоятельно призываю вас признать его невиновным. Спасибо за внимание.

8

Адам Морган

Шериф Стивенс сопровождает меня к телефону-автомату, висящему на стене в центре длинного коридора. Помощник шерифа Хадсон стоит всего в нескольких шагах позади, наблюдая за каждым моим движением.

– Быстрее, – командует шериф Стивенс, останавливаясь в дверях.

Я беру трубку, подношу ее к уху, закрываю на мгновение глаза и делаю глубокий вдох. Как я могу рассказать Саре о том, что случилось? Как я мог так поступить с ней? Открываю глаза и набираю номер мобильного телефона Сары. Телефон звонит и звонит, а потом раздается ее голос. Но это ее голосовая почта. Я думаю оставить сообщение, но решаю, что не могу сказать, что изменил ей и теперь подозреваюсь в убийстве своей любовницы, по голосовой почте. Поворачиваюсь спиной к копам. Они болтают, не сводя с меня глаз.

– Поторопитесь, мистер Морган, – говорит Хадсон. Я пренебрежительно машу на него рукой и снова набираю номер Сары. Она не берет трубку. Проклятье. Я опускаю трубку и на этот раз набираю другой номер.

– Добрый день, – говорит она с опаской.

– Мама... Я в беде. Мне нужна твоя помощь.

Сара Морган

Я делаю глоток шампанского «Боллинджер»¹⁴, заработанное мною после этого дела. Почти год я работала не покладая рук и ездила в Техас и обратно. Энн грызет индийскую лепешку, а Мэтью с удовольствием пьет свой мартини с водкой.

– Должен признать, Сара, что я впечатлен. Я не видел тебя в действии со времен вступительных испытаний в Йеле, – Мэтью поднимает свой стакан. – За острый язычок Сары!

Энн и я поднимаем бокалы с шампанским. Мы все чокаемся и пьем.

– Наблюдать за ней в действии – моя любимая часть работы. Это всё равно что наблюдать за кульминацией эпизода «Закон и порядок»¹⁵, – говорит Энн со смехом и икотой. Она не пьет много, так как один или два стакана уже заводят ее. Промокает уголки рта салфеткой и возвращается к поеданию хлеба, чтобы тот впитал немного лишнего алкоголя.

– Но ты действительно собираешься заняться этой бездельницей и отказаться от острых ощущений охраны правопо-

¹⁴ Одно из самых изысканных французских шампанских вин.

¹⁵ «Закон и порядок» – культовый американский сериал о работе правоохранительных органов, созданный в 1990 г.

рядка? – Мэтью прищуривается, беря кусочек риса.

– Я не собираюсь бросать юриспруденцию. Я могу делать и то, и другое.

– Ты уверена в этом?

– Да, – я допиваю остатки шампанского и вновь наполняю свой бокал.

– Отлично. Хорошо. Похоже, я буду дядей Мэтью... Кому-то нужно будет научить этот плод любви быть потрясающим. – Он подносит коктейль к губам. – Заказываем салют?

– Ты плохой, – дразнит Энн.

– О, он...

Мой телефон звонит, прерывая меня. На экране заглавными буквами написано «ЭЛЕОНОРА». В горле встает комок, и я с трудом сглатываю, чтобы заставить его опуститься. Я не хочу отвечать на звонок, но что-то внутри побуждает меня ответить.

– Сара Морган, – говорю профессиональным тоном, пытаясь донести до нее свою важность.

– Сара, Адам пытался дозвониться тебе. Почему ты не отвечала на звонки моего сына? – В голосе свекрови – раздражение и разочарование. Ну что еще?

– Я была в суде.

– Ах да, я и забыла, что ты работаешь...

Я закатываю глаза.

– Что значит «я забыла»? Адам не написал ни одной книги за четыре года. Как ты думаешь, кто... – Я решаю даже

не заканчивать предложение, потому что в этом нет смысла. Она всегда ненавидела тот факт, что я работаю. Я никогда не была уверена, что является причиной этого – обида или ее вера в устаревшие гендерные расклады.

– Ты нужна Адаму. Он в участке у шерифа округа Принс-Уильям.

Энн одними губами произносит:

– Ты в порядке?

Я киваю. Мэтью потягивает свежий мартини, который только что принесла официантка.

– Подожди, что? В Вирджинии? Что случилось? С ним всё в порядке? – Мои мысли смешиваются друг с другом, словно их бросили в «Витамикс»¹⁶.

– Я не уверена. Но это серьезно, и тебе нужно туда поехать. Я пытаюсь успеть на рейс сегодня вечером или завтра.

Энн откладывает вилку, внимательно прислушиваясь. Мэтью наклоняется ближе.

– Ладно. Я поеду прямо сейчас, – в моем голосе появляются нотки паники.

Связь обрывается. Я замираю, не зная, что делать. Что могло случиться? Я видела Адама сегодня утром. Но, по моему опыту, всё может измениться в одно мгновение.

– Сара, что происходит? – спрашивает Энн, вытаскивая меня из шокового состояния.

– Это была мама Адама. Он... нуждается во мне. Я... мне

¹⁶ «Витамикс» – американская фирма, производящая блендеры.

нужно идти.

– Я пойду с тобой, – Мэтью встает.

Я киваю, но действую на автопилоте. Я не знаю, что делаю. Просто делаю это. Кладу телефон в свою сумку от «Эрмес». Прежде чем уйти, выкладываю на стол три стодолларовые купюры.

– Я могу сама, – Энн пытается вернуть мне деньги.

– Нет. Просто заканчивай и возвращайся в офис. Я уверена, что это ерунда. Наверняка всё в порядке, и я вернусь через пару часов. – Но внутри себя я знаю, что всё плохо. И возможно, уже никогда не будет по-прежнему.

– Ладно. Я отменю встречи на сегодня – и, пожалуйста, не беспокойся. Просто решай эту проблему и держи меня в курсе событий.

Я прикусываю губу и киваю. Мы с Мэтью выбегаем из ресторана.

Час спустя я оказываюсь лицом к лицу с шерифом по имени Райан Стивенс. Он соответствует стандартному описанию миллионов мужчин на этой планете. Светло-русые волосы, гладко зачесанные назад в типичной манере бывшего военного, ставшего полицейским, и ярко-зеленые глаза. Эти глаза уже видели жизнь и демонстрируют такую же усталость, как и выражение его лица. Самая главная деталь – его манера поведения. Это ответственный человек; это человек, который заботится о своей работе; и это человек, которому нельзя перечить. Несмотря на вялость и годы жестокого обраще-

ния с телом из-за работы, с его духом не сравнится никто, даже сотрудники вдвое моложе.

Я сижу напротив него в маленьком, неорганизованном кабинете. Мэтью ждет в приемной. Я бы хотела, чтобы он был здесь, со мной, но не раньше, чем узнаю, что происходит. Мне это до сих пор неясно, и я еще не видела Адама; но меня заверили, что с ним всё в порядке и что я смогу поговорить с ним после того, как поговорю с шерифом по поводу инцидента, в котором замешан мой муж.

– Миссис Морган, спасибо за спокойствие.

– Со мной всё в порядке.

– Со мной тоже всё в порядке. – Его голос звучит немного саркастично, но в глазах светится доброта. Относится ли эта доброта ко мне или нет, я не знаю.

– Что происходит? – Я закидываю ногу на ногу, откидываясь на спинку стула.

– Мне нужно задать несколько вопросов, прежде чем вы увидите с Адамом.

– Хорошо.

– Ваш муж был с вами прошлым вечером?

Я беру минуту, чтобы подумать о прошлом вечере. Я поздно вернулась домой, но Адам вернулся еще позже. Сказал, что был в доме у озера и писал – он часто ездит туда писать и остается там по нескольку дней. Это была одна из главных причин, по которой мы купили этот дом. У него долгое время были проблемы с написанием новых строк, и когда

Адам пришел ко мне с идеей купить загородный дом недалеко отсюда, чтобы он мог работать и мы могли отдыхать, я сразу же согласилась. Это было идеальное решение. Хотя я редко бываю там. Энн провела там больше времени, чем я. Прошлым летом она жила там неделю в качестве части своего рождественского бонуса: одну неделю оплачиваемого отпуска в моем доме у озера. Приятно, что у нее была возможность использовать его для того, для чего мы планировали его использовать, – для отдыха. Работа не позволяла мне ездить туда на выходных, но это перевернуло творчество Адама. Он стал писать так, как никогда раньше.

– Да, какое-то время, – решаюсь я.

– И когда было это время?

Я делаю паузу, пытаюсь тщательно обдумать ответ.

– Ну, я заснула. Но проснулась около двух ночи, и он уже был дома. Он мог быть дома гораздо раньше.

Шериф Стивенс кивает и записывает несколько слов в лежащий перед ним блокнот. Смотрит на меня, а затем записывает еще пару слов. Грызет кончик ручки и снова смотрит на меня – на этот раз пробегая глазами по моему телу.

– И это в вашем вашингтонском доме, верно?

– Да.

– Что случилось после того, как он вернулся домой?

– Мы поговорили, – я тихонько кашляю. – И у нас был секс.

Я понимаю, что произошло что-то ужасное. Это допрос, и

нет смысла утаивать какую-либо информацию. Адам не мог сделать ничего плохого, так что честность – единственное, что заставит все проясниться.

– Это обычно для вас двоих?

– То, что муж и жена занимаются сексом?

– Нет, вы и Адам.

– Какое это имеет значение? – Я раздражена и устала играть в игры. Я разрываю на части таких, как он, каждый день. Я могу быть здесь как жена Адама, но я – адвокат.

Шериф постукивает ручкой по столу. Он ждет, когда я заговорю, поскольку не намерен отвечать на мой вопрос. Он пытается понять наши с Адамом отношения, но почему? Что, по его мнению, сделал Адам? Конечно, у нас не идеальный брак, но у кого он есть? И почему это вообще его интересует?

– Мы пытаемся завести ребенка, – говорю я, на самом деле не отвечая на его вопрос, а уклоняясь от него. Если он не ответит на мои вопросы, я не буду отвечать на его вопросы.

– Поздравляю, – в его голосе слышится нотка сарказма.

– Мы закончили?

– Нет, миссис Морган. Вы знаете некую Келли Саммерс?

– Нет. – Я глубоко вздыхаю. «Может быть, она наша уборщица? Нет, это не ее имя...» Я отрицательно качаю головой.

Он кивает и подчеркивает что-то в своем блокноте, а потом выбирает папку с файлами из стопки бумаг и вытаскива-

ет фотографию восемь на десять¹⁷. Это фотография красивой девушки с длинными русыми волосами и сияющими голубыми глазами. Она улыбается. Молода – наверное, лет под тридцать. Она представляет разительный контраст с шерифом Стивенсом: он серьезен, измотан, на задании; она беззаботна и ведет себя так, как хочет.

– Это Келли Саммерс. Вы уверены, что не знаете ее?

Я придвигаю фотографию немного ближе и наклоняюсь, чтобы получше рассмотреть ее. Красота этой девушки завораживает. Веснушки слегка расплзлись по носу; у нее полные губы и выдающиеся скулы.

– Я ее не знаю. – Толкаю фотографию обратно.

Шериф снова кивает, берет фото и кладет ее обратно в папку.

– У вас с Адамом имеются проблемы в браке? – Он постукивает пальцами по столу.

– Знаете что, шериф Стивенс? Это становится смешным. Я не знаю, какое отношение мы с Адамом имеем к этой Келли, но с меня хватит. Я хочу видеть своего мужа прямо сейчас.

Я почти встаю, когда шериф Стивенс хлопает ладонью по столу.

– Сядьте!

– Или что? Вы арестуете меня? Отведите меня к моему мужу.

¹⁷ Размеры указаны в дюймах; прибол. 20×25 см.

Я пристально смотрю на него сверху вниз. Хотя шериф и крупный мужчина, для меня он маленький. Стивенс открывает папку и бросает на стол дюжину фотографий. Я сразу же замечаю, что все они сняты в нашем доме у озера. Девушка лежит в нашей постели, вся в крови. Ее глаза ничего не выражают. Поясница и грудь изуродованы, кожа содрана и поцарапана.

Я роняю сумочку, и мои руки тут же прикрывают рот, когда я вздыхаю и всхлипываю. Хватаюсь за край стола, пытаюсь проглотить подступившую тошноту. Изжога обжигает горло; я пытаюсь заставить ее отступить, но от этого мои глаза лишь еще больше наполняются слезами. И тут меня осеняет. Теперь я знаю, почему я здесь. Я чувствую, как кто-то похлопывает меня по спине. Это шериф Стивенс. Он пытается меня успокоить.

– Мне жаль.

Он протягивает мне салфетку и кладет руку мне на спину. Я стою лицом к нему, хотя мои ноги подкашиваются. Вытираю рот и глаза, пытаюсь успокоиться. Это на меня не похоже. Я не сломаюсь. Я сильная. Шериф спрашивает, всё ли со мной в порядке, и я киваю. Теперь, когда стало понятно, почему я здесь, нужно перейти в режим адвоката, потому что эта «добрая и простая» рутина шерифа – работа опытного профессионала, наблюдающего и вычисляющего.

Раздается стук в дверь. Стивенс держит руку на моем плече – всё еще пытается вести себя вежливо. Я закрываю глаза

и делаю глубокий вдох. Восстанавливаю контроль над своим дыханием и пытаюсь успокоиться. Дверь открывается, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть высокого чернокожего мужчину. Его глаза холодны и налиты кровью, и он не смотрит на меня. Говорит:

– Он требует адвоката.

Стивенс кивает.

– Маркус, это Сара, жена Адама. Сара, это помощник шерифа Маркус Хадсон.

Я пожимаю ему руку. Его взгляд отскакивает от меня. Он в ярости.

– Должен ли я позволить ему позвонить своему адвокату?

Прежде чем шериф успевает заговорить, я прерываю его:

– В этом нет необходимости.

– Почему? – спрашивают они в унисон, озадаченно глядя друг на друга.

– Его адвокат – я.

Адам Морган

Я видел фотографии с места преступления и знаю, что, по их мнению, это сделал я. Моя бедная Келли... Как это могло случиться? Я был рядом с ней всю ночь, но я этого не делал. Я неоднократно пытался рассказать про жестокость ее мужа, и они продолжали говорить, что рассматривают все версии, но, похоже, придерживаются единственной гребаной точки зрения.

Я надеюсь, что мама смогла связаться с Сарой, хотя даже не представляю, как буду встречаться с ней лицом к лицу. Дела у нас шли на лад. Я собирался покончить с Келли раз и навсегда. Собирался снова стать хорошим мужем, тем, кого Сара заслуживает. Но, самое главное, собирался стать отцом. О боже... Ребенок. Что, если Сара беременна? Что, если ребенок вырастет без отца? Я не могу позволить этому случиться; я должен выбраться. Мне нужно быть рядом со своим ребенком.

Помощник шерифа Хадсон допрашивал меня последние полтора часа. Другой офицер стоял на страже, что было к лучшему – потому что я был уверен, что Хадсон убьет меня или, по крайней мере, попытается. Я не знаю, откуда он знает Келли, но уверен, что знает. Наконец он оставил меня в

покое и выбежал, когда я отказался отвечать на вопросы. Я потребовал адвоката. Я должен был сделать это сразу же.

Плохо. Действительно плохо. Они нашли убитую Келли в моем доме. Мои отпечатки пальцев будут повсюду, повсюду на ней. У нас был бурный секс. А еще записка, которую я оставил... Теперь, когда я думаю об этом, всё выглядит не очень хорошо. Вернее, совсем нехорошо. Но сообщения от ее мужа неоспоримы. Там что-то есть. Им придется расследовать эту версию, потому что они ни за что не поверят, что я мог это сделать. Я не мог. Я бы не стал. Мы с Келли прекрасно провели время, и я любил ее. Она была рядом, когда я нуждался в ком-то. Я никогда не причинил бы ей вреда, но ее муж сделал бы это. И он сделал.

Я встаю и стучу по одностороннему зеркалу; слезы текут по моему измятому лицу.

– Дайте мне моего гребаного адвоката! – Хватаю стул и швыряю его в зеркало. Он отскакивает и падает на пол.

Сара Морган

Шериф Стивенс сопровождает меня в маленькую комнату с односторонним зеркалом, через которое мы можем наблюдать за Адамом. Тот сидит за столом, постукивает пальцами, борется со слезами и размышляет. Он явно в шоке.

– Присаживайтесь, – шериф указывает на стул.

Я взяла себя в руки в туалете. Отныне я здесь не как жена Адама. Я – его адвокат. Я – Сара Морган, лучший адвокат по уголовным делам. Я должна напоминать себе об этом каждую минуту или около того. Я должна быть сильной и опытной женщиной, какой и являюсь. Я знаю, Адам этого не делал. Я, честно говоря, не могу поверить, что он способен даже ударить кого-то, не говоря уже об убийстве. Но я также думала, что он никогда не изменит мне, а как показывает расследование шерифа, он был – по крайней мере, в течение года – с этой Келли. Я с отвращением качаю головой, думая об этом. Я не могу в это поверить. Я всё еще не верю в это. Не поверю, пока Адам не признается мне в этом. Он не мог сделать ничего из этого.

Достаю блокнот и ручку из сумочки и смотрю на шерифа Стивенса.

– Просто расскажите мне факты по делу.

– Вы уверены, что хотите это услышать?

– Да, не скрывайте никаких подробностей.

Шериф бросает на меня сочувственный взгляд и кивает. Я уверена, что теперь он точно знает, кто я такая. Когда я вышла из туалета, Стивенс проникся ко мне уважением. Я уверена, что он поискал в «Гугле» мою фамилию и обнаружил, что я не какая-то там скромная домохозяйка. Шериф посмотрел на меня с состраданием и восхищением. Может быть, он думает, что я сумасшедшая, раз стою за спиной Адама... Но Адам – мой муж.

– Жертву зовут Келли Саммерс. Возраст двадцать семь лет. Она была найдена этим утром примерно в девять пятнадцать утра уборщицей по имени Соня. Найдена мертвой в постели Адама и... – он кашляет. – Я предполагаю, что также и в вашей кровати в доме у озера в округе Принс-Уильям. Ей нанесли тридцать семь ножевых ранений в шею, грудь и туловище. И то, насколько ужасным было это убийство, говорит о том, что это преступление на почве страсти. На теле нет признаков того, что она сопротивлялась, и это говорит нам о том, что она спала, когда это произошло. Ее глаза были открыты, когда ее нашли, что говорит нам о том, что она проснулась во время удара ножом. Проводится токсикологическое исследование. Мы полагаем, что в ее организме были наркотики, что объясняет, почему она не сразу проснулась. Предварительное вскрытие обнаружило сперму у нее во рту, влагалище и заднем проходе. На правом плече синяк, но по-

хоже, он появился днем или двумя ранее. Есть пара микро-разрывов в анусе и влагалище, которые могут намекать на изнасилование или грубый секс. Под ногтями у нее обнаружена кожа.

Он отводит взгляд, потом снова смотрит на меня. Я заканчиваю записывать пометки и смотрю на него.

– Это всё?

– Это всё, что у нас есть на данный момент.

Наши глаза встречаются, и я вижу, что ему жаль меня. Вижу, как ему неловко. Я вижу, как он спрашивает, какого черта я защищаю Адама. Взгляд, который я бросаю в ответ, – это взгляд силы и уязвимости. Я не знаю, зачем делаю это.

Мое внимание отвлекает громкий удар по стеклу. Адам колотится по другую сторону одностороннего зеркала. Он хватается за стул и швыряет его. Стул отскакивает и с глухим стуком падает на пол. Адам кричит, а затем падает, корчась.

Я поворачиваюсь к шерифу Стивенсу; мой рот открыт, а глаза расширены. Я никогда не видела, чтобы Адам так реагировал. Никогда не видела, чтобы он делал что-то большее, чем повышал голос. Никогда не видела его в *такой* ярости. Неужели он может быть жестоким?

Меньше всего Адам напоминает растерянного человека, попавшего в непредвиденную ситуацию, и больше всего похож на дикое животное, загнанное в угол, способное на всё, лишь бы вырваться наружу. Я вижу огонь в глазах Адама, о существовании которого и не подозревала. Честно гово-

ря, до этого момента, если б кто-нибудь спросил меня, считаю ли я Адама способным на убийство, я сразу же ответила бы «нет». В глубине души я полагала, что он немного слабак. Но теперь вижу, что была неправа. Под поверхностью скрывается что-то еще. Что-то большее.

– Мне нужно увидеть моего клиента.

Стивенс кивает.

– Просто чтобы вы знали: мы только что получили ордер на обыск обоих домов и анализ ДНК. Мы также рассматриваем возможность проверки на полиграфе, если Адам будет сотрудничать. Но я дам вам время поговорить с ним.

– Хорошо. – Я встаю и собираю вещи. Прежде чем открыть дверь, поворачиваюсь к шерифу; он в нескольких дюймах от меня, и я чувствую тепло его дыхания. – Спасибо, шериф.

Он кивает мне и говорит, что выйдет из комнаты и пришлет кого-нибудь взять ДНК через двадцать минут. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, убеждая себя, что смогу правильно поговорить с Адамом.

Адам Морган

Дверь открывается, и я поднимаюсь на ноги. Как только вижу *ее*, то снова чуть не падаю в обморок. Она прекрасна. Одета в черную юбку-«карандаш», идеально облегающую ее бедра, белую облегающую блузку и сшитый на заказ жакет. Каждая прядь ее светлых волос на месте, все они собраны в пучок на затылке. Как обычно, ее пухлые губы и зеленые глаза притягивают меня, и именно ее глаза почти заставляют меня потерять самообладание. Они слегка покраснели, и под одним небольшое пятно черной туши. Она плакала. Я никогда не видел, чтобы она плакала. Что, черт возьми, я наделал?

– Сара. Я так сожалею...

Она поднимает руку, останавливая меня, и приглашает сесть самым формальным образом. Я поднимаю свой стул с пола и ставлю его вертикально. Нет смысла спорить. Я не убивал Келли, но я был причиной этого. Я был причиной всего этого... Сажусь, складываю руки перед собой и опускаю голову.

Сара делает небольшой вдох и подходит к столу. Ее черные каблуки стучат по полу. Всё, что она делает, имеет цель. Она пытается всё понять. Кладет сумку на стол и медленно

отодвигает стул. Собравшись с духом, садится, проводит рукой по волосам и делает еще один маленький вдох. Ее глаза – те же самые глаза, в которые я всегда смотрел, но она смотрит на меня так, как будто не знает меня. Ее пристальный взгляд обволакивает меня. Она оценивает меня, рассматривает. Обращается со мной так, как будто я... клиент.

– Сара, – в моем голосе слышится легкая агрессия. Мне не нравится, как она на меня смотрит. Как она вообще может допускать, что я мог сделать что-то подобное? Как она может вести себя так, будто не знает, кто я такой? Я – ее муж.

Сара достает блокнот и ручку. Кладет их на стол, аккуратно, параллельно друг другу, опускает руки на колени и смотрит прямо на меня.

– Адам. – Пауза. Сара тщательно подбирает слова, и я не знаю, почему она не может просто поговорить со мной.

– Сара. Я этого не делал. Я не убивал ее, клянусь. Я не мог этого сделать. Я спал с ней, но я никогда не причинил бы ей вреда. Ты должна мне поверить, – умоляю я, сдерживая слезы.

Она не вздрагивает. Она не реагирует.

– Хорошо, – записывает пару слов. Ее глаза широко раскрыты, она с трудом сглатывает. Она сильная, но сейчас я ее ломаю. А ведь должен быть тем единственным, кто защищает ее... Ее грудь поднимается и опускается.

– Сара, я люблю тебя. Я так чертовски сильно тебя люблю... Я просто хочу, чтобы это поскорее закончилось. Хочу,

чтобы всё вернулось на круги своя. Хочу создать с тобой семью. Я хочу быть с тобой, и только с тобой. Я идиот, и мне никогда не следовало тебя обманывать. Я знаю это и обещаю, что проведу остаток своей жизни, чтобы загладить свою вину перед тобой. Как только всё это закончится. Клянусь Богом...

Я хватаю ее за руку, желая, чтобы она проявила хоть какие-то эмоции, желая, чтобы она любила меня, желая, чтобы она накричала на меня или даже ударила. Мне нужно, чтобы она разозлилась на меня. Мне нужно, чтобы она заплакала. Мне нужно, чтобы она сказала, что любит меня. Мне нужно, чтобы она обняла меня. Мне нужно, чтобы она сказала, что всё будет хорошо.

Сара молчит. Ее рука теплая, но глаза холодные. Она причиняет мне боль, и я ее не виню. Она убирает руку:

– Адам, мне нужно, чтобы ты понял: я здесь как твой адвокат, а не как твоя жена.

Я смотрю на нее с недоверием.

– Почему ты защищаешь меня? После того, что я сделал...

– Потому что когда я сказала «пока смерть не разлучит нас», то имела в виду именно это; и я единственный человек, у которого есть хоть какой-то шанс вытащить тебя. – В ее голосе лед, и это справедливо. Я опускаю глаза. Я не могу смотреть на нее. Как я мог это сделать? Как я мог подвести нас к этому моменту?

– Мне жаль... – Я тихо всхлипываю.

Сара кладет ручку на бумагу и бросает на меня строгий взгляд.

– Ты нужен, чтобы рассказать мне всё... каждую деталь. Ничего не упускай из виду. Ты понимаешь?

Я киваю. Не знаю, как я собираюсь это сделать. Я должен просто сказать ей, что найму другого адвоката, но Сара права: она – лучшая, и она – мой единственный шанс выбраться из этого. От Хадсона я узнал, что все улики против меня. Он сказал, что я точно поджарюсь в аду, и он будет рад увидеть, как я расплачусь за это преступление.

Они найдут мою сперму в Келли. Они найдут мои отпечатки пальцев и ДНК на ней повсюду. Они обнаружат текстовые сообщения, телефонные звонки и встречи, которые произошли более года назад.

– Когда вы двое впервые встретились?

– Около полутора лет назад.

– Как вы познакомились?

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох, вспоминая тот теплый летний день – день, когда Келли вошла в мою жизнь.

Адам Морган

Было начало лета, и мы купили дом у озера всего несколько недель назад. Сара должна была приехать на выходные, чтобы помочь мне внести последние штрихи в дизайн интерьера, но работа удерживала ее в городе, как и в предыдущие два уик-энда.

Было позднее утро, когда у меня началась головная боль от отсутствия кофеина. Я только что закончил распаковывать вещи на своем рабочем столе и обнаружил, что в доме нет кофе, поэтому решил прогуляться. Я еще никого не встречал в городе, и казалось, что все держались особняком. Типичный элитный пригород Вашингтона, где существует мода на переезды. Я положил свой ноутбук в сумку и десять минут шел пешком до города, ярко выражающего дихотомию этого района: сочетание деревенского очарования Вирджинии и атрибутов стандартных городских потребностей. Большие дубы и можжевельники окружали город по периметру, море зелени прерывалось только в деловом центре. В тот день старые потрескавшиеся асфальтовые улицы выглядели почти влажными в утренней жаре.

Контрасты поэтичны в своей печали. Небольшая причудливая церковь находилась всего в квартале от места коммер-

ческого банковского обслуживания по франшизе. Маленький домашний бизнес, услуги прачечной, закусочные, сувенирные магазины стояли плечом к плечу с сетевыми пizzerиями, «Старбаксом» и магазинами дизайнерской одежды. Модернизация выглядела не столько как прогресс, сколько как вирус, поразивший город.

Наконец я нашел маленькое кафе под названием «Кофе Сета». В нем было как раз то самое неповторимое очарование маленького городка, которое я искал. Деревянный пол, который громко скрипел, когда по нему идешь. Разномастная мебель: начиная от стульев из твердых пород дерева и резных столов и заканчивая стальными обеденными стульями с ярко-красными виниловыми сиденьями, покрытыми пластиком. Ни одно из блюд не входило в набор, а меню было написано на старой доске, которая выглядела так, словно ее реквизировали из соседней школы. Она висела над прилавком. Разноцветный мел покрывал случайные пятна на стене, которые делили пространство с фотографиями, картинами и скульптурами местных художников и ценниками.

Ничто не сочеталось и одновременно сочеталось вместе, и в этом диком хаосе столкновения всё работало и было абсолютно прекрасно. Или, по крайней мере, я так думал, пока эта красота и очарование не были посрамлены в тот момент, когда я увидел ее. Келли. Она сразу же привлекла мое внимание. Свет незакрытого подвесного светильника отражался в блеске ее голубых глаз. Ее беззаботное поведение пора-

зило меня, как будто две сильные руки схватили за горло и не отпускали.

Она работала во внутреннем дворике, так что я решил присесть там. Каждой клеточкой своего существа я просто хотел узнать ее. Узнать, кем она была, что ей нравилось, что делало ее... ею. Я не просто хотел быть в ее присутствии, я нуждался в этом.

Я вытащил свой ноутбук и начал печатать. То, что я написал, было ее описанием. Я наблюдал за каждым ее движением. Она бегала от стола к столу, заботясь о каждом посетителе. Я ждал своей очереди. Она была очаровательна, каждая ее частичка. Может быть, именно мое одиночество делало ее гораздо более привлекательной, а может быть, дело было в том, что она совсем не походила на Сару.

Сара – расчетливая, доминирующая личность. Она всегда собрана, где бы ни была и как бы ни была одета, будь то пижама или деловой костюм за 2000 долларов. Но потом появилась Келли, несовершенно совершенная. Ее веснушки рассыпались по лицу. Ее длинные каштановые волосы развевались по плечам на теплом летнем ветерке. Иногда она пыталась приручить их, но как только она начинала заниматься столиками, те снова обретали свободу. Ее фартук был небрежно повязан вокруг тонкой талии. Груды были полными и свободно играли под белой футболкой; соски были выпуклыми и чуть заметными, но ей было всё равно. Она вела себя самым беззаботным образом, улыбаясь и смеясь.

Наконец Келли встала прямо передо мной. Я не встречался с ней раньше, но мне казалось, что я уже знал ее. Вот что делает наблюдение за кем-то в течение некоторого времени. Ее лицо озарилось солнечным светом, падавшим на нее сзади. Короткая юбка задела край стола, когда она показала бедрами.

– Привет, что я могу для вас сделать? – Ее голос был легким и воздушным.

Я пристально посмотрел ей в глаза и именно тогда заметил, что та же печаль, что таилась во мне, была и в ней. Я всегда верил, что глаза не могут лгать. Они содержат истины, которые мы не можем или не хотим говорить. Ее глаза были полными, большими и взрывались от боли. Но боль от чего? Ее улыбка немного померкла, пока она ждала, когда я заговорю. Пристально посмотрела мне в глаза, и мне хотелось бы думать, что она распознала боль и одиночество в моих глазах.

– Я могу уделить вам еще несколько минут. – За эти несколько секунд ее голос немного утратил свою легкость.

– Нет, нет, – я улыбнулся ей, давая знать, что с этого момента всё должно быть хорошо. Может быть, она и не знала, что значила для меня эта улыбка, но я знал, что скоро заставлю ее понять, что это значит. Она улыбнулась в ответ. – Я выпью чашечку кофе... черного.

– Скоро принесу! – Легкость в ее голосе вернулась.

– Адам, – я протянул руку. Она посмотрела на нее сверху

вниз, а затем, с легким колебанием, протянула руку в ответ. Я заметил кольцо на ее безымянном пальце, а она заметила мое. Мы несколько секунд смотрели на руки друг друга, наши глаза встретились, и между нами возникло чувство взаимопонимания.

– Келли, – ее улыбка стала еще шире, а затем она отправилась за моим кофе.

Я оставался там всё утро. Час спустя она спросила, над чем я работаю. Я подробно рассказал ей о своем творчестве. Только два часа спустя я узнал о ее жизни, ее воспитании, ее надеждах, ее мечтах. Только три часа спустя Келли сделала перерыв. Она сидела со мной и болтала и именно тогда рассказала мне о нем. Скотте, своем муже.

Ее описание было пронизано мрачными оттенками. Я имею в виду, что она сидела с другим мужчиной – со мной – и откровенничала. Очевидно, что-то было не так. Но Келли всё говорила и говорила о том, как они встретились. Она описала это почти как сказку. Девочка встречает мальчика. Мальчик и девочка влюбляются друг в друга. Мальчик и девочка женятся молодыми. Мальчик и девочка живут долго и счастливо... но потом девочка открывается таинственному мужчине в кафе. Что-то не сходилось. Какие-то нотки в ее голосе выдавали это. Скотт причинил ей боль. Ей не нужно было говорить мне это, чтобы я знал.

Четыре часа спустя я упаковывал свой ноутбук. Я выпил несколько чашек кофе и съел легкий ланч. Келли еще

несколько раз возвращалась к моему столику, чтобы поболтать. Разговоры перешли от нашей личной жизни к маленькому городку, погоде, работе, которую я выполнял в доме у озера. Связь между нами, которая была так сильна утром, ослабла к вечеру. Келли, казалось, насторожилась, и я был готов уйти. С моей стороны было глупо заикливаться на идее, что мы спасаем друг друга. Она спасает меня от скучного брака и невнимательной жены, а я спасаю ее от Скотта, человека, который каким-то образом причинил ей боль. Я начал выходить из кафе, и она остановила меня, окликнув по имени. Я обернулся. Келли стояла, развязывая фартук, складывая его и кладя в сумочку. Она надела солнцезащитные очки, закинула сумку на плечо и сделала несколько шагов ко мне.

– Думаю, я должна прийти посмотреть на дом, о котором ты мне все уши прожужжал. – Ее голос был тихим. Внутренний дворик был расчищен и пустовал.

– Я тоже так думаю, – сказал я с улыбкой.

Келли легким кивком подала мне знак идти, и я пошел. Всю дорогу она следовала на несколько шагов позади. Мы ни с кем не пересекались в городе, и когда я закрыл дверь в дом у озера, она прыгнула в мои объятия. Мы сорвали друг с друга одежду и трахнулись прямо там, на полу гостиной, на ковре из медвежьей шкуры, перед незажженным камином. В тот день мы трахнулись три раза. Она не могла насытиться мной, а я не мог насытиться ею. Она была притягательна с

первой дозы, с первого кайфа, как героин, – и я всегда чувствовал этот кайф... до сегодняшнего дня.

Сара Морган

Я не вздрагивала, когда он рассказывал мне подробности того, как они встретились и трахались в течение четырех часов. Я здесь не как его жена. Я здесь не для того, чтобы судить его. Я здесь, чтобы защищать его. Яотреагирую потом. Когда смогу. Когда это не повлияет на дело. Прямо сейчас я должна выслушать. Я просто делаю пометки. Время от времени смотрю на него и вижу, что ему трудно встретиться со мной взглядом. Я не удивлена. Адам лгал мне последние шестнадцать месяцев. Он трахал другую женщину. Если он мог лгать мне так долго, может быть, смог бы и убить... Нет, я должна перестать так думать. Это не принесет ему хоть какую-нибудь пользу.

– Ты познакомился с Келли Саммерс шестнадцать месяцев назад на ее рабочем месте, в «Кофе Сета»?

Он кивает.

– И ты трахался... Прости, занимался с ней сексом в первый день, когда вы встретились?

– Да, – он делает паузу. – Прости, Сара. – Пытается дотянуться до моей руки, но я отстраняюсь.

– Сейчас не время. – Расправляю свои бумаги, идеально выравнивая края. Это то, что я делаю, когда не знаю, что

делать. Я прибираюсь. Я всё убираю.

Адам откидывается на спинку стула и проводит руками по лицу, потирая кожу, которая, кажется, побледнела от недостатка сна, от горя и стресса. Его глаза красные, а на лицо легла тень усталости. Несмотря на то, что он сделал, и на его внешность, он всё еще красив. Я понимаю, почему Келли не смогла устоять перед ним. Я тоже не смогла.

– Ваши отношения были постоянными?

– Да, мы виделись несколько раз в неделю, и она проводила много ночей в доме у озера. – Он глубоко вздыхает.

– Ты упомянул ее мужа, Скотта. Что ты о нем знаешь?

Адам садится прямо. В его глазах появляется чувство надежды и гнева. Я могу сказать еще до того, как он начнет говорить, что он ненавидит этого человека и искренне верит, что именно этот человек убил Келли.

– Он нехороший человек. Я знаю, что он должен был иметь к этому какое-то отношение. Он был жестоким. Он угрожал ей. Он причинил ей боль. Я думаю, что он знал о нас...

Я прервала его.

– Как ты думаешь, почему он знал о тебе и Келли? Ты когда-нибудь общался с ним?

– Из-за сообщений той ночью. Он угрожал ей. Сказал, что знает, что она лжет. Сказал, что причинит ей боль.

Я набрасываю несколько слов о Скотте.

– Если он угрожал Келли, это могло бы помочь нам с обос-

нованными сомнениями и дать человека, на которого можно было бы указать пальцем. Жестокий муж очень подходит. Я видела это сотни раз. Это была бы легкая победа.

Глаза Адама загораются.

– Правда?

– Да, но давай не будем забегать вперед. Это один из путей, которым мы можем следовать. Итак, ты когда-нибудь встречал Скотта?

– Нет, но мне и не нужно было. Я знаю, что он за человек. – Адам стискивает челюсти, и его глаза сужаются.

– Что же это за тип мужчины? – Я кусаю кончик своей ручки.

– Плохой.

– И кем это делает тебя? – Мои глаза сужаются.

Выражение лица Адама меняется с гневного на виноватое.

– Мне жаль. Мне не следовало этого говорить. – На мгновение я замолкаю, заглядывая в свои записи, а затем снова смотрю на него. – Это – конфликт интересов. Возможно, я – твой лучший шанс выбраться из этого, но не знаю, смогу ли я избавиться от боли и гнева. Я чувствую себя нехорошо из-за этого дела.

– Пожалуйста, – говорит Адам. Его глаза умоляют меня помочь.

Я грызу кончик колпачка от ручки. Я знаю, что у нас были проблемы – так бывает в каждом браке, – но лгать мне последние шестнадцать месяцев... Да, я была невниматель-

на, и да, я была не совсем любящей женой, но это не значит, что я не любила его. Я никогда не переставала любить его. Даже сейчас, в этот самый момент, я люблю Адама. Я ненавижу его, но я люблю его. Всё, что делала, я делала *для нас*. Я делала это ради нашего будущего. Каждая ночь, которую я проводила в офисе, была для нас, чтобы у нас была та жизнь, о которой мы мечтали. Если б его писательская карьера не оборвалась сразу же, как только началась, возможно, мне не пришлось бы так усердно работать. Проблемы в нашем браке были в такой же степени его виной, как и моей. Я сделала всё, что могла. Я купила гребаный дом, чтобы помочь его карьере, а вместо этого он использовал его, чтобы пить вино, обедать и трахать другую женщину... СТОП. Я не могу так думать. Не знаю, смогу ли я отделить себя от этого. Мне просто нужно время подумать. Я должна сделать шаг назад.

Начинаю собирать вещи и отодвигаю стул. Адам спрашивает, что я делаю. На его глаза наворачиваются слезы, у него начинается паника. Он думает, что я отказываюсь от нас, от него. Я ничего не говорю. Я сдерживаю эмоции – гнев, предательство, печаль, беспокойство, страх. Выталкиваю из себя эти чувства.

Когда я делаю шаг назад, дверь позади меня распаивается, и я падаю. Моя голова ударяется о край стола, по лицу течет кровь. Я кричу. Шестифутовый мужчина в форме перепрыгивает через стол и валит Адама на пол. Я вздрагиваю. Прикасаюсь к рассечению на лбу и осматриваю кровь на кон-

чиках пальцев. Офицер с коротко подстриженными светлыми волосами и широкими плечами бьет Адама по лицу, опустив его на пол. Адам пытается позвать на помощь, но у него не получается, так как кулаки продолжают дубасить его. Во рту у него кровь.

Я поднимаюсь на ноги, спотыкаясь, подхожу к копу и пытаюсь оттащить его от Адама. Бью его по голове и уху. Это не действует. Лицо Адама залито кровью, а правый глаз уже заплыл и закрылся. Он пытается остановить удары, но ему не сравниться с этим человеком, полным ярости.

Я снова бью офицера, и на этот раз он на секунду останавливается, оглядываясь на меня. Его глаза арктически-голубые и покрыты красными капиллярами. Он отталкивает меня, не говоря ни слова. Как раз в тот момент, когда я врезаюсь в стену, в допросную с шумом врываются шериф Стивенс и его заместитель Хадсон. Они отрывают мужчину от Адама, который почти выведен из строя.

– Помощник шерифа Саммерс, прекратите это немедленно! – командует Стивенс, загоняя его в угол. Хадсон тоже удерживает коллегу.

Врывается еще пара полицейских, чтобы сдержать этого разъяренного человека. На лбу и шее у него выступают вены, пронзительные яростные глаза налиты кровью, со лба капает пот. Он дышит с такой интенсивностью, что кажется, может упасть в обморок. Я никогда не видела столько гнева. Он издает раздраженное рычание. Его губы сжимаются в глубокий

вдох. Ноздри раздуваются так широко, что могут порваться. Его лицо искажается, и он издает вой. Этот человек ломается прямо у нас на глазах. Слезы льются из его глаз. Сопли капаят у него из носа. Его тело теряет напряжение и превращается практически в лужу. Шериф, помощник шерифа и офицеры перестают его сдерживать. Хадсон помогает ему подняться.

– Скотт, приятель, всё будет хорошо. Я сделал бы то же самое. На самом деле я пытался сделать то же самое. – Он похлопывает своего друга по плечу.

Я прислоняюсь к стене. *О боже мой... Это муж Келли.* Он полицейский. Адам корчится от боли на полу, едва живой. Хадсон и офицеры выталкивают Скотта из комнаты. Шериф Стивенс смотрит на Адама и качает головой. Он кричит, чтобы кто-нибудь вызвал «Скорую помощь». Затем его взгляд перескакивает на меня, и это первый раз, когда он замечает, что я здесь и что мне больно. Стивенс подбегает ко мне, обнимает меня одной рукой и осматривает порез у меня на лбу.

– Сара, мне жаль. Вы в порядке? – Он явно смущен тем, что произошло в его полицейском участке. В голосе чувствуется какая-то нежность. Его волнует, что мне больно. Шериф прикасается к ране, и я морщусь от боли. – Извините, – снова говорит он.

– Всё в порядке. Я в порядке.

– Давайте приведем вас в порядок и осмотрим.

Он пытается выпроводить меня. Я отталкиваюсь от него

и опускаюсь на колени рядом с Адамом. Другой офицер пытается вытереть кровь бумажными полотенцами. Я убираю пропитанные кровью волосы со лба мужа.

– Ты как?

– В норме, – говорит он.

Я беру бумажные полотенца и пытаюсь стереть немного крови с его глаз, чтобы он мог видеть меня, чтобы мог видеть, что я здесь ради него. Провожу рукой по его щеке, заверяя, что я позабочусь об этом, что я буду рядом с ним.

Затем поворачиваюсь к шерифу Стивенсу. Тот закрывает рот.

– Это неприемлемо!

– Я знаю. Знаю. Я позабочусь об этом. Офицер Саммерс находится в административном отпуске. Он не должен был быть здесь.

– Тогда почему он был здесь?

Шериф Стивенс не отвечает. У него нет ответа. Он просто качает головой. Входят два санитара с сумкой и каталкой и быстро начинают помогать Адаму. Меня прогоняют, когда они опускаются на колени по обе стороны от него, задавая вопросы, чтобы проверить, в порядке он или нет. Я делаю пару шагов назад, и шериф кладет руку мне на плечо.

– Они позаботятся о нем. Давайте приведем вас в порядок.

Это скорее предложение, чем приказ. Я киваю и следую за ним, пока санитары укладывают Адама на каталку.

Я сижу в кабинете шерифа. Он возвращается с небольшой аптечкой, прислоняется к столу передо мной и вытирает засохшую кровь с рассечения на моем лице. Стивенс уже не раз говорил, как ему жаль, и я считаю, что он не врет. Но не уверена, сожалеет ли он о том, что сделал Скотт, о ситуации, в которой я нахожусь, или обо всем этом сразу.

– Я не думаю, что понадобятся швы, но это довольно серьезное повреждение, – говорит шериф, прерывая тишину, которая наполняет комнату.

Я ничего не говорю. Стивенс продолжает осматривать мою рану, но я думаю, что он просто использует это время, чтобы исследовать меня. Его глаза продолжают встречаться с моими, но я каждый раз отвожу взгляд. Я не совсем понимаю, что он пытается выяснить. Может быть, почему я с таким мужчиной, как Адам? Может быть, почему я остаюсь рядом с ним после всего, что случилось? Он наносит немного «Неоспорина»¹⁸, а затем забинтовывает рану. Закрывает аптечку, а затем долго смотрит на меня. Я могу сказать, что он хочет спросить меня о чем-то. Мне нужно знать, что он думает, что пытается выяснить. Я не могу понять его, и это пугает. Я могу прочитать каждого. Но он... Я не могу.

¹⁸ «Неоспорин» – заживляющая мазь.

– Могу я спросить кое о чем?

– Да. – Я прижимаю бинты, чтобы убедиться, что они на месте.

Шериф подходит к своей стороне стола и садится. Делает паузу, и на секунду я думаю, что он не собирается спрашивать меня о том, что его интересует. Делаю небольшой вдох, пытаюсь расслабиться. Ерзаю на стуле и закидываю одну ногу на другую. Стивенс постукивает пальцами по столу. Он размышляет. Наконец подается вперед в кресле и опирается на руки.

– Вы думаете, это сделал он?

– Что это за вопрос?

– Просто вопрос, – его глаза встречаются с моими.

– Это неуместно, – в моем голосе слышится презрение.

– Так и есть.

Именно тогда я понимаю, почему ему всё равно. Он потерял бдительность. Кажется, я понимаю, что он пытается сказать. Понимаю именно потому, что он не говорит. Он не уверен, сделал это Адам или нет. Конечно, все улики указывают на Адама, но ему интересно: неужели всё действительно настолько просто? Неужели Адам настолько глуп, чтобы убить женщину в собственной постели и оставить ее, позволив уборщице найти тело? Вещи никогда не бывают такими, какими кажутся. Я не думаю, что шериф Стивенс хочет просто повесить убийство Келли на Адама. Я думаю, он хочет помочь мне выяснить, кто на самом деле это сделал. Это со-

вершенно нестандартно, но, в конце концов, я сосредоточена на защите Адама, а шериф Стивенс сосредоточен на том, чтобы найти человека, который это сделал. Он не заботится о быстром закрытии дела; он заботится о том, чтобы закрыть его *правильно*.

– Я не верю, что Адам сделал это. – Надеюсь, что мои слова были произнесены с достаточной уверенностью.

Шериф кивает и снова откидывается на спинку стула.

– Это немного нетрадиционно, но я хотел бы отвезти вас на место преступления. Хочу, чтобы вы рассказали мне, что увидите.

– Я бы хотела этого.

– Хорошо.

– ...Просто впустите меня туда. Мне наплевать на ваш протокол. – В дверь мимо секретарши и полицейского протискивается Мэтью. Я оборачиваюсь, и когда он видит повязку на моем лице, тут же понимает, что всё не так, как должно быть.

– Я прошу прощения. Мой коллега Мэтью Латчоу пришел сегодня со мной.

– Что они с тобой сделали? – Мэтью практически бежит ко мне, осматривает мою голову и бросает злобный взгляд на шерифа Стивенса. – Она – юрист. Она подаст на тебя в суд. И я знаю людей настолько могущественных, что те поставят весь этот город на колени.

Он прищуривается, а затем снова обращает свое внима-

ние на меня. Его лицо смягчается.

– Я в порядке. Я введу тебя в курс дела. – Я ободряюще смотрю на него. Мэтью всегда защищал меня.

Адам Морган

Я очнулся в больнице. Моя левая рука прикована наручниками к кровати. Голова раскалывается, но не сильно. Я лежу под капельницей.

Ах, вот оно что... Хорошая доза обезболивающего, поступающая в кровоток, – вот почему я не чувствую всех последствий той порки, которую получил.

В этой комнате нет окон, так что я понятия не имею, как долго был без сознания. Это именно то, что я ожидал увидеть, – маленькая больничная палата со стерильными белыми стенами и белыми полами. Монитор рядом со мной показывает ровный сердечный ритм, убеждая меня в том, что я всё еще жив. Ощупываю лицо кончиками пальцев, отмечая выступы, неровности и другие вещи, которые определенно не должны там быть. Я не могу видеть левым глазом и подношу к нему пальцы, чувствуя опухшую бугристость своего века.

Собираюсь позвать медсестру, но кое-что вспоминаю. Что-то из произошедшего, когда я лежал на полу комнаты для допросов, корчась от боли, то приходя в сознание, то теряя его. Голос Маркуса Хадсона, слова, слетевшие с его губ. Он назвал офицера, который напал на меня, Скоттом. Кел-

ли – Скотт. Он муж Келли. Всё стало намного сложнее. Разве я не знал, что он полицейский? Келли никогда не говорила мне? Неудивительно, что она была напугана. Неудивительно, что она чувствовала, что не может уйти. Посмотрите на него. Он массивен. Я не маленький человек, но и у меня не было ни единого шанса против кулаков такой гориллы. Представьте себе, через что пришлось пройти Келли. Только представьте. Бедная Келли... Я знаю, что это сделал Скотт. Он мог бы легко проверить это. Он полицейский. Он не мог совершить никаких ошибок, верно? А вот я облажался по полной...

Входит медсестра, листая папку с бумагами. Смотрит на меня, замечает, что я не сплю, и пугается:

– О боже, ты проснулся!

Я пытаюсь сесть, и она бежит ко мне, говоря, чтобы я остановился. Настраивает аппараты, подключенные ко мне, а затем убегает. Через несколько минут входит шериф Стивенс. Он слегка дрыгает ногами. Я могу сказать, что он несчастлив, но это не связано со мной.

– Как ты?

– Я думаю, хорошо.

– Послушай, Адам, мне жаль, что всё так получилось. Это было неправильно, и я хочу, чтобы ты знал, что офицер Саммерс отстранен от работы. – Говоря это, он проводит рукой по волосам.

– Он должен быть в тюрьме!

– Я знаю, ты так думаешь, но он только что потерял свою жену. Это не оправдывает его поведение, но ты должен понимать, почему это произошло.

Звуковые сигналы на пульсометре¹⁹ ускоряются, когда я пытаюсь сдержать гнев внутри себя.

– Этот ублюдок убил ее, я знаю! – Сажусь. У линии моих волос выступают капли пота. Дыхание учащается, сердце колотится, руки дрожат.

– А теперь подожди минутку, мистер Морган. Что заставляет тебя думать, будто Скотт имеет какое-то отношение к смерти Келли? Это была его жена, и ее нашли в твоей постели в твоём доме. – Шериф говорит это не для того, чтобы бросить мне вызов. Он любознателен. Его забавляет то, что я говорю, и я не знаю: это какая-то маленькая часть его верит мне, или он просто пытается разозлить меня?

– Он знал о нас. О нашем романе. Он писал ей в ту ночь, когда она умерла. Угрожал ей. Он был жестоким. Кем бы вы его ни считали, это не так.

Шериф Стивенс пододвигает стул к моей кровати и садится. Делает глубокий вдох, оглядывает меня с ног до головы. Оценивает меня, пытается понять. Он хочет знать правду – может быть, не мою правду, но правду.

– Никогда не было никаких обвинений в жестоком обращении со стороны Скотта Саммерса от Келли Саммерс или

¹⁹ Пульсометр – устройство для мониторинга частоты сокращений сердца или ее записи для последующего исследования.

любого другого человека.

– Келли была слишком напугана, чтобы признаться. Она просто хотела убежать. Теперь я знаю, почему. Теперь я понимаю...

– Что ты понимаешь?

– Скотт – полицейский. Она знала, что у нее нет ни малейшего шанса сбежать от него или что он заплатит за свои преступления.

– Мне никогда не нравился Скотт, – признаётся шериф.

– Что? – Я хочу убедиться, что правильно его расслышал. Почему он мне это говорит? Почему он здесь? Это что, игра? Или он на самом деле пытается мне помочь? Я не знаю, что происходит и почему это происходит со мной.

– Ты слышал меня. Я не должен был тебе этого говорить, я знаю. Но для меня в Скотте всегда было что-то не так. У него слишком много от образа хорошего американского мальчика, и я знаю, что у каждого есть скелеты в шкафу. Люди, которые кажутся хорошими, обычно являются худшими из всех.

Он откидывается на спинку стула. Я не знаю, что сказать. Я ничего не говорю, пока не вспоминаю о Саре. Она была ранена, или, по крайней мере, я так думаю. Я думаю, что кровь, которую я видел на ее лице, была ее собственной, но она могла быть и моей...

– Как Сара? С ней всё в порядке? Она ранена?

– С Сарой всё в порядке. У нее небольшое рассечение на

лбу, но она – боец. Даже шестифутовый мужчина не смог бы одолеть эту женщину, – говорит шериф с улыбкой.

Я киваю – это правда.

– Где она? Я хочу ее увидеть.

– Я сказал ей идти домой и позаботиться о себе. Она вернется утром. Я надеюсь, что всё будет в порядке.

– Конечно.

– Теперь я собираюсь заняться Скоттом. Потому что это правильно. Я не уверен, что это сделал ты, но я также не уверен, что ты невиновен.

– Хорошо. – Больше мне нечего сказать. Он знает, что я думаю, и я не собираюсь сидеть здесь и пытаться убедить его, что я этого не делал. Важны доказательства. Это то, чему я научился у Сары. Я доверяю ей найти эти доказательства и почти доверяю шерифу Стивенсу, чтобы помочь ему найти их.

– Возле твоей палаты дежурит офицер. Я приглашу Сару завтра. – Он немного колеблется. – Я доберусь до сути дела. Даю слово.

И уходит прежде, чем я успеваю ответить.

Сара Морган

Мэтью отвез меня домой. Он пытался отговорить меня браться за это дело. Сказал, что я совершаю ошибку. Я ответила, что его это не касается.

Я слишком устала, чтобы идти в офис, и слишком расстроена, чтобы пытаться объяснить Энн или кому-либо еще, что происходит в моей жизни. Не думаю, что смогу даже видеть кого-нибудь. Я чувствую слишком многое – злость, страх, грусть и множество других вещей, которые даже не могу описать.

Эта история скоро выйдет наружу. С моим статусом в Вашингтоне и тем фактом, что Адам – известный писатель, лишь вопрос времени, когда это произойдет. Что я скажу Энн? Моим коллегам? Моим клиентам? Я не могу не беспокоиться об этом. Мое внимание должно быть сосредоточено на Адаме и этом деле.

Весь день я то засыпала, то просыпалась. Когда же окончательно проснулась, начала обдумывать имеющиеся факты. Есть Адам, который, несомненно, является самым очевидным подозреваемым. У него есть средства, мотив и возможность – всё, что нужно окружному прокурору, чтобы возбудить против него дело и осудить. Но есть и Скотт. Обще-

ние, которое у меня было с ним, подтверждает то, что сказал Адам. У него вспыльчивый характер, и он, по-видимому, не может контролировать себя. Плюс сообщения, о которых упоминал Адам. У Скотта также есть средства и мотив, но вопрос в том, была ли у него такая возможность? Я беру блокнот с прикроватной тумбочки и делаю пару пометок. Пишу «возможность» и обвожу слово кружком. Может ли быть кто-нибудь еще? Келли стала жертвой, но у нее была интрижка. Что еще она делала? Чем еще увлекалась? Есть ли кто-нибудь еще, кто хотел бы ее смерти? Записываю: «*Кофе Сета*». Я должна поговорить с ее коллегами, клиентами и всеми, кто мог с ней контактировать.

Звонит телефон. Я не узнаю номер и не решаюсь ответить. Сейчас 9 вечера, но это может быть Адам, звонящий из больницы. Мне следовало вернуться и проверить, как он, но шериф Стивенс заверил, что всё в порядке и что мне нужно пойти домой и отдохнуть.

Я беру трубку.

– Привет.

– Привет, Сара. Это шериф Стивенс. Я просто звоню, чтобы сообщить, что у Адама всё в порядке. Он очнулся. Я только что вышел из больницы.

– Что сказал врач?

– У него сломана скула, небольшое сотрясение мозга и несколько синяков. Но он поправится. Я отправил документы в нашу страховую компанию, так что вам не нужно бес-

покоиться о стоимости лечения.

– Меня не волнует стоимость. Меня волнует его состояние. Чтобы с ним всё было в порядке.

– Ну, так и есть. Извините, что беспокою, – говорит он и собирается повесить трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.